

СООБРАЖЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ И О ПЛАНЕ ЕГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА, СОСТАВЛЕННОМ В АПРЕЛЕ 1771 г.

Глава I

Состояние вопроса

Картина правления в Польше, обрисованная господином графом Виельгорским¹, и размышления, которые он к ней присоединил, — это весьма поучительные подробности для того, кто захочет составить план последовательных преобразований этого правления. Я не знаю никого, кто был бы более способен его начертать, чем он сам, человек, соединяющий общие познания, требующиеся для подобного труда, с познаниями частными и знанием местных условий, а эти последние-то и невозможно изложить письменно. А между тем их необходимо знать, чтобы приспособить учреждения к народу, для которого они предназначены. Если не знаком с нацией по сути, той нацией, ради которой трудишься, то как бы превосходно ни была выполнена работа, сделанная для нее, она всегда будет содержать погрешности при применении ее результатов в жизни, тем более когда речь идет о нации, уже обладающей учреждениями, вкусы, нравы, предрассудки и пороки которой уже весьма укоренились, и их невозможно так легко устранить, посеяв новые семена. Хорошее учреждение для Польши может быть произведением только поляка или того, кто в достаточной мере на месте изучил польскую нацию и ее соседей. Иностранец же может предложить лишь общий взгляд с целью просветить, но не руководить создателем учреждений. Даже приложив всю силу своего ума, я не смог бы охватить всю совокупность этих важных отношений. Нынче у меня едва

сохранилась способность связывать мысли, а потому я ограничусь, оказывая услугу господину графу Виельгорскому и проявляя усердие в служении его родине, тем, что представлю отчет о впечатлениях и размышлениях, которые возникли у меня при чтении его работы.

Читая историю правления в Польше, с трудом понимаешь, как столь странным образом устроенное государство могло просуществовать так долго². Огромный организм, состоящий из огромного числа мертвых частей, из малого числа разъединенных частей, движение которых почти что не зависит друг от друга и которые вместо того, чтобы двигаться к общей цели, взаимно уничтожают друг друга, организм, совершающий множество движений, будучи неспособен что-либо сделать, оказывает сопротивление тому, кто хочет отрезать от него часть, оказывается в состоянии разложения пять-шесть раз на протяжении каждого столетия и парализованным при каждом усилии, которое он хочет сделать, при малейшей потребности, которую он хочет удовлетворить, тем не менее живет и сохраняет свою силу. Вот, как мне кажется, одно из самых странных зрелищ, способных поразить мыслящее существо. Я наблюдаю, как все государства Европы сами приближают свою гибель. Монархии, республики — все эти нации, обладающие столь великолепными учреждениями, все эти прекрасные правления, столь мудро поддерживающие равновесие внутри, одряхлели, им грозит скорая смерть, а Польша, эта обезлюдившаяся, опустошенная и угнетенная страна, оставленная на милость всех завоевателей, несмотря на все свои несчастья и анархию, еще являет огонь молодости, и она еще смеет стремиться создать правление и законы, словно она лишь только зарождается! Она — в оковах рабства, а меж тем обсуждает способы сохранения свободы! Она ощущает в себе такую силу, которую не может одолеть тирания. Мнится, я вижу осажденный Рим, который спокойно правит землями, где его враг только что разбил лагерь. Храбрые поляки, остерегайтесь того, что, желая слишком хорошей жизни, вы лишь ухудшите свое положение. Мечтая о том, что вы желаете завоевать, не забывайте о том, что можете потерять. По возможности исправьте пороки вашего государственного устройства, но не пренебрегайте тем устройством государства, которое сделало вас теми, кто вы есть.

Вы любите свободу и достойны ее; вы защищали ее от могущественного и коварного захватчика, который, делая вид, что предла-

гает вам узы дружбы, на деле налагает на вас оковы рабства. А ныне, устав от беспорядков в вашей стране, вы вздыхаете, думая о покое. Я полагаю, что его легко получить, но сохранить его и вместе с тем добиться свободы — вот что мне кажется весьма затруднительным. Ведь именно посреди этой анархии, которая вам омерзительна, возник склад души патриотов, отвративший вас от ярма деспотизма. Души поляков дремали в покое, напоминая летаргию, буря их разбудила. Разбив оковы, которые им прочили, эти души ощущают груз усталости. Они хотели бы соединить мир и покой, свойственный деспотизму, с уладами свободы. Боюсь, что они желают совместить несовместимое. Покой и свобода мне кажутся несовместимыми вещами, следует выбрать одно из двух.

Я не утверждаю, что нужно оставить все как есть, но хочу сказать, что приниматься за дело нужно с крайней осмотрительностью. В настоящее время на людей большее впечатление производят пороки, чем вещи полезные. Я боюсь, что придет время, когда они лучше будут понимать эту пользу, но, к несчастью, это произойдет тогда, когда время будет упущено.

Легче легкого, если угодно, сотворить лучшие законы. Однако невозможно создать такие законы, которыми не злоупотребляли бы люди, подверженные пристрастиям, коль скоро они уже злоупотребляют наилучшими законами. Предвидеть и оценить все будущие злоупотребления, вероятно, вещь невозможная для самого искушенного государственного деятеля. Поставить закон выше человека — это задача в политике, которую я сравниваю с задачей о квадратуре круга в геометрии. Хорошенько решайте эту задачу, и правление, основанное на таком решении, станет добрым и свободным от злоупотреблений. Но до того времени, я уверяю вас, там, где вы думаете, что установили царство законов, царствовать будут люди.

Никогда не будет прочного и доброго устройства государства, если только при этом закон не будет царить в сердцах людей. До тех пор пока сила законодательства не распространится до этих пределов, всегда будут уклоняться от исполнения законов. Но как проникнуть в сердца? Вот о чем наши творцы учреждений почти не задумывались, всегда имея в виду лишь силу и наказания. И денежные вознаграждения, вероятно, не приведут к лучшему. Даже самый неподкупный суд к нему не ведет, потому что справедливость, так же как и здоровье, — это благо, которым наслаждаются, не ощущая его,

и оно никогда не вдохновляет на душевный порыв, а его ценность понимают лишь тогда, когда его уже потеряли.

Но как же тронуть сердца людей и заставить их любить родину и ее законы? Смею ли я объяснить? Да с помощью детских игр, которые кажутся ненужными людям поверхностным, но они-то и создают милые сердцу привычки и непобедимые привязанности. Если я при этом говорю вздор, то уж, во всяком случае, самый полный, ибо признаюсь, что мое безумие, как мне кажется, обладает всеми признаками разума.

Глава II

Дух старинных учреждений

Когда читаешь древнюю историю, кажется, что попадаешь в иной мир, к иным существам. Что общего у французов, англичан, русских с римлянами и греками? Почти ничего, кроме внешнего вида. Сильные души греков и римлян иным покажутся историческим преувеличением. Станут ли те, кто чувствуют себя столь ничтожными, задумываться о существовании столь великих людей? А меж тем, они существовали и были человеческими существами, подобными нам. Что же мешает нам быть такими же людьми, как они? Наши предрассудки, наша низменная философия, мелочность и корыстолюбие, соединившиеся во всех сердцах с эгоизмом благодаря нелепым учреждениям, на создание которых никогда бы не сподвиг гений.

Я обращаю взор на нации новых времен и нахожу у них множество изготовителей законов, но не вижу ни одного законодателя. У древних я назову трех главных законодателей, которые заслуживают особого внимания: Моисея, Ликурга и Нуму³. Все трое главным образом заботились о предметах, которые показались бы нашим докторам права достойными насмешки. И все трое достигли таких успехов, которые сочли бы невозможными, если бы о них не сохранилось точных свидетельств.

Первый задумал и совершил удивительное дело — основал нацию как единый организм из скопища несчастных беглецов, не знавших ни ремесел, ни оружия, не имевших ни талантов, ни добродетелей, ни мужества, не владевших ни одной пядью собственной земли, представляя собою чужеродную толпу на Земле. Моисей взял на себя смелость превратить эту раболепствующую толпу бро-

дыг в политический организм, в свободный народ; и когда они бродили в пустыне, не имея и камня, чтобы преклонить голову, Моисей даровал им прочное установление, неподвластное времени, судьбе, завоевателям, — то устройство, которое не могли ни испортить, ни даже изменить пять тысячелетий, и оно сохраняется и по сей день во всей своей силе, даже тогда, когда эта нация как организм уже более не существует.

Чтобы помешать своему народу раствориться среди чуждых народов, он создал нравы и обычаи, несовместимые с нравами и обычаями других наций; он слишком обременил свой народ обрядами и особыми церемониями; он стеснил свой народ тысячью способов, чтобы тот неизменно оставался бодрым, и превратил его в чужеродное тело посреди остальных людей; все узы братства, соединяющие членов его республики, оказались также и преградами, отделяющими сей народ от соседей и мешающими его смешению с ними. Вот почему эта своеобразная нация, столь часто находившаяся под гнетом, разбросанная по свету и, казалось бы, уничтоженная, неизменно почитала усвоенные правила и все-таки сохранилась до наших дней, оказавшись рассеянной среди других народов, но с ними не смешиваясь; вот почему ее нравы, законы, обряды существуют и будут существовать до тех пор, пока существует мир, вопреки ненависти и преследованиям со стороны остальной части человеческого рода.

Ликург взялся ввести установления у народа, уже униженного рабством и вытекающими из него пороками. Он наложил на народ железное ярмо, такое ярмо, подобного которому не нес на себе еще ни один народ; но он прикрепил его к ярму и, постоянно заставляя его носить, отождествил народ, так сказать, с этим ярмом. Он беспрестанно являл народу его отечество — в законах, в играх, в домашней жизни, в его любовных увлечениях, в празднествах; он не оставлял народу ни минуты покоя, предоставляя его себе самому. И из этого постоянного принуждения, проникнутого благородной и высшей целью, зародилась в народе горячая любовь к отечеству, которая всегда оставалась самой сильной или даже единственной страстью спартанцев и сделала их существами, стоящими выше остальных людей. Спарта была всего-навсего городом — это правда; но одной только силой своих учреждений этот город навязывал законы всей Греции, превратился в ее столицу и повергал в трепет персидскую монархию. Спарта стала тем очагом, из которого ее за-

конодательство распространяло свое влияние на все, что ее окружало.

Те, кто считает Нуму только создателем религиозных обрядов и церемоний, весьма неверно судят об этом великом человеке. Нума стал подлинным основателем Рима. Если Ромул всего-навсего собрал разбойников, которые под влиянием невзгод могли бы рассеяться, то его несовершенное творение, по всей вероятности, не выдержало бы испытания временем. Но Нума сделал его прочным и долговечным, объединив этих разбойников в не подверженный распаду организм, превратив их в граждан не столько посредством законов, в которых тогда едва ли нуждалась их деревенская бедность, сколько умеренными учреждениями, привязавшими их друг к другу, а всех вместе — к их земле; сделал, наконец, их город священным посредством тех легкомысленных и суеверных, на первый взгляд, обрядов, силу и влияние которых так мало людей смогли почувствовать; а основы этих законов заложил, однако, именно Ромул, свирепый Ромул.

Таким же замыслом прониклись все древние законодатели при создании учреждений. Они стремились отыскать такие узы, которые бы привязали граждан к отечеству и друг к другу; и они обнаружили эти узы в особых обычаях и религиозных церемониях, по своей природе чуждых всяким иным и национальным (см. окончание «Общественного договора»); в играх, собиравших вместе многих граждан; в упражнениях, благодаря которым возрастали их бодрость и сила и одновременно гордость и уважение к самим себе; в зрелищах, напоминавших им историю предков, их невзгоды, их добродетели и победы — все это вызывало живое участие в сердцах граждан, порождало сильное стремление к состязанию, накрепко привязывало их к родине, и о ней им непрестанно напоминали. Именно стихи Гомера, которые читали грекам на торжественных собраниях не в душных залах, с подмостков и за плату, но под открытым небом и перед всем организмом нации; именно трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, которые часто им показывали, награды, венчавшие победителей в играх под крики одобрения всей Греции, — вот что, постоянно порождая стремление к славе и состязанию, возводило их мужество и добродетели в ту степень силы, о которой ныне ничто нам не напоминает; людям нашего времени не дано даже в это поверить. Если есть у них законы, то единственно для того, чтобы научить их покорно подчиняться своим хозяевам,

не воровать из карманов и не отдавать слишком много денег всем известным мерзавцам. Если есть у них обычаи, то только для того, чтобы развлекать праздных и легкомысленных женщин и с изяществом потакать собственной праздности. Если они собираются вместе, то лишь в храмах для богослужения, в котором нет ничего национального, и оно ничем не напоминает об отечестве, да и над всем этим лишь насмеваются; или собираются в накрепко запертых залах и за плату — чтобы смотреть на изнеживающие зрелища, где умеют говорить лишь о любви и рассказывать пошлые истории, заставляя жеманиться продажных женщин, и там они в состоянии усвоить лишь уроки разврата — это единственные уроки, которые они извлекают из всех тех, что думают там преподавать. А собираются они лишь во время празднеств, на которых народом постоянно пренебрегают, и он лишен всякого влияния, а осуждение или похвала со стороны общества ничего не значат; лишь на непристойных сборищах, где заводят тайные знакомства и ищут наслаждения, которые скорее всего разобщают людей, отдаляют их друг от друга, а их сердца быстрее всего охлаждаются. Да разве в этом заключается средство побудить любить отечество? Нужно ли удивляться, что столь различный образ жизни приводит к столь различным последствиям и что люди нашего времени уже не находят в себе ничего от той душевной силы, которой благодаря всему этому вдохновлялись древние? Считайте эти отступления остатками бывшего сердечного жара, который вы во мне распалили. А теперь я с удовольствием возвращаюсь к тому из нынешних народов, который не так далеко отстоит от тех, о которых я только что говорил.

Глава III

Применение

Польша — большое государство, окруженное еще более значительными государствами, которые в силу царящего в них деспотизма и военных порядков обладают огромной наступательной мощью. Слабая по причине анархии, Польша, напротив, несмотря на всю доблесть поляков, сталкивается с оскорблениями с их стороны. У нее нет укреплений, способных остановить их вторжения. Убыль населения⁴ делает ее совершенно неспособной к самозащите. Нет никакого экономического устройства, почти вовсе нет войск, ника-

кой военной выучки, никакого повиновения вышестоящим. Постоянно раздираемая противоречиями изнутри, постоянно под угрозой извне, она сама по себе не обладает никакой внутренней устойчивостью и зависит от произвола соседей. В настоящем положении вещей я вижу лишь одно средство сообщить ей эту устойчивость, которой ей не хватает, а именно: вселить, если можно так выразиться, целиком душу конфедератов в нацию⁵, до такой степени утвердить республику в сердцах поляков, чтобы она продолжала там существовать вопреки каким бы то ни было усилиям угнетателей. Именно в этом, как мне кажется, и заключена ее единственная обитель, где никакая сила не сможет ни добраться до нее, ни разрушить. Еще недавно можно было увидеть достопамятные тому доказательства. Польша находилась в оковах у русских, но поляки оставались свободными. Великий пример, который показывает вам, как возможно не считаться с могуществом и честолюбием ваших соседей. Если вы не можете помешать тому, чтобы они поглотили вас, по крайней мере, сделайте так, чтобы они были не в состоянии вас переварить. Каким бы образом вы за это дело ни взялись, до того как вы дадите Польше все то, чего ей недостает, чтобы иметь возможность оказать сопротивление врагам, они успеют сотню раз ее захватить. Добродетель ее граждан, их патриотический пыл — особый облик, который могли бы придать их душам национальные учреждения, — вот единственные, всегда готовые ее защитить укрепления, которыми не овладеет никакая армия. Если вы сделаете так, что ни один поляк никогда не сможет стать русским, я отвечаю за то, что Россия никогда не покорит Польшу.

Именно национальные учреждения, создающие гений, характер, вкусы и нравы народа, делают его самим собой и никем иным, внушают ему горячую любовь к родине, основанную на неискоренимых привычках, заставляющих его умирать от скуки в гостях у других народов, посреди усад, которых он лишен у себя на родине. Вспомните о том спартанце, окруженном соблазнами при дворе великого царя, которого упрекали в том, что ему недоставало черного соуса. «Ах! — отвечал он со вздохом сатрапу. — Я узнал твои улады, но ведь тебе незнакомы наши».

Что бы ни говорили, а сегодня не существует ни немцев, ни испанцев, ни даже англичан, есть только европейцы⁶. У всех одинаковые вкусы, одинаковые пристрастия, нравы, потому что никто из них не имеет облика нации благодаря особенным учреждениям.

Все они в сходных обстоятельствах поступят одинаково, все заявят о своем бескорыстии и окажутся мерзавцами, все будут разглагольствовать об общественном благе, думая при этом о самих себе, все станут восхвалять скромный образ жизни, желая при этом оказать ся крезами; их честолюбие простирается только на роскошь, у них нет иной страсти, кроме страсти к золоту. Уверенные, что всегда будут обладать тем, что их соблазняет, они продадутся первому встречному, пожелавшему их купить. Какое для них значение имеет то, какому господину они подчиняются, законы какого государства соблюдают? Лишь бы они могли найти деньги, чтобы их украсть, и женщин, которых можно соблазнить, — и они повсюду почувствуют себя как дома.

Придайте иную направленность пристрастиям поляков, и вы придадите их душам национальный облик, отличный от других народов, который помешает им сплавиться с ними, не породит стремления им нравиться и с ними соединиться; придайте твердость, которая заменит собой порочные игры бесполезных предписаний и заставит их делать, следуя вкусу и пристрастиям, то, что они никогда не делают хорошо из чувства долга или стремясь к выгоде. Именно на такие души окажет воздействие правильно подобранное законодательство. Они подчинятся законам, не уклоняясь от их соблюдения, потому что законы окажутся для них подходящими и будут внутреннее одобрены их волей. Любя родину, они послужат ей усердно и от всего сердца. Благодаря только этому чувству, даже если законодательство станет плохим, оно сотворит хороших граждан — ведь только добрые граждане составляют мощь и процветание государства.

Позднее я подробнее расскажу о порядке управления, который, почти не затрагивая сути ваших законов, мне кажется более пригодным для того, чтобы возвысить патриотизм и добродетели, от него не отделимые, до высшего уровня стойкости, которой они только и могут обладать. Но одобрите вы или не одобрите этот порядок, начните все-таки с того, что внушите полякам высокое мнение о них самих, об их родине; ведь с учетом того, как еще совсем недавно они себя проявили, это мнение — отнюдь не ложное. Необходимо использовать текущие обстоятельства и события, с тем чтобы возвысить голос души до того звучания, которым обладал голос души у древних. Ясно, что Барская конфедерация спасла родину, находившуюся на последнем издыхании. Необходимо впи-

сать священными письменами это великое время в сердца всех поляков. Я хотел бы, чтобы воздвигли памятник в его честь и чтобы на нем значились имена всех конфедератов, даже тех, кто в дальнейшем, возможно, предал общее дело. Столь великое дело должно затмить промахи всей их предшествующей жизни. Пусть проводят время от времени торжественные мероприятия, отмечая каждые десять лет это событие с торжественностью не блестящей и легкомысленной, но простой, гордой и подобающей республиканцам; пусть тогда достойно, но без выпренности произносят похвалу тем добродетельным гражданам, которые имели честь претерпеть страдания ради отчизны, находившейся в оковах врагов; пусть предоставят и их семьям некие почетные привилегии, которые постоянно будут напоминать обществу об этом замечательном прошлом. Я хотел бы, однако, чтобы во время этих празднеств не дозволялось произносить слова осуждения в адрес русских ни даже вести об этом разговоры. Чересчур много чести для них. Это молчание — красноречивая память об их варварстве и хвала тем, кто оказал им сопротивление, — скажет о них все, что нужно сказать: вы слишком их презираете и не удостоите даже ненависти.

Я хотел бы, чтобы благодаря почестям и общественным наградам придали блеск всем патриотическим добродетелям, чтобы внимание граждан непрестанно занимали мыслью о родине, и она стала самым главным делом для них, всегда и непрестанно находилась у них перед глазами. Таким образом, признаюсь, они имели бы меньше средств и времени на приобретение богатства, но ведь и меньше поводов и соблазнов им обладать; их сердца научились бы ценить иное счастье, чем то, что приносит благосостояние, — вот искусство воспитать благородство души и превратить ее в более мощное орудие, чем золото.

Сжатый рассказ о нравах поляков, который соблаговолил мне передать Михаил Виельгорский, недостаточен для того, чтобы я понял суть их гражданских и домашних обычаев. Но у великой нации, которая почти никогда не смешивалась со своими соседями, вероятно, существует много таких обычаев, свойственных только ей, и, возможно, они ежедневно исчезают вследствие существующей в Европе общей склонности усваивать вкусы и нравы французов. Нужно поддерживать, восстанавливать древние обычаи и заводить те, что соответствуют характеру поляков. Эти обычаи, будь они маловажными и даже в известном смысле негодными, но при этом

в сущности своей неплохими, всегда будут обладать тем преимуществом, что внушат полякам восхищение перед их страной и природную неприязнь к тому, чтобы смешивать себя с иностранцами. Я сочту за счастье, если у них появится особый покров одежды. Заботливо сохраните это преимущество, поступая при этом прямо противоположным образом тому, как поступил столь хваленый царь⁷. Пусть ни король, ни сенаторы и никакой общественный деятель никогда не носят иной одежды, кроме национальной, и пусть ни один поляк не смеет показываться при дворе одетым на французский лад.

Пусть существует множество общественных игр, и добрая родина-мать радуется, глядя на то, как играют ее дети⁸. И пусть она всегда будет занята ими, с тем чтобы, в свою очередь, они всегда были заняты ею. Нужно устранить даже при дворе, дабы не подавать дурного примера, обычные придворные развлечения: карточные игры, театральные представления, оперу, комедии, все то, что заставляет считать их благом повсюду, лишь бы они стали поводом для развлечений; нужно придумать игры, праздники, торжественные приемы, приличествующие именно этому двору, так что их нельзя будет встретить ни при каком другом. В Польше следует развлекаться даже больше, чем в какой-либо другой стране, но не сходным образом. Одним словом, нужно переставить местами слова в отвратительной поговорке и заставить каждого поляка произносить в глубине сердца: «Где родина, там и хорошо».

Никаких, насколько возможно, преимуществ для знатных и богатых. Множество театральных представлений на открытом воздухе, где положение человека заботливо подчеркнули бы, но в которых народ одинаково мог бы принимать участие, как это было у древних, и где в некоторых случаях юная знать могла бы явить доказательства своей силы и ловкости. Коррида немало способствовала поддержанию известной телесной крепости у испанской нации. Балаганы, где некогда польская молодежь участвовала в упражнениях, следует полностью восстановить, их нужно превратить в ристалище, где она могла бы состязаться и получать знаки отличия. Нет ничего легче, чем заменить старинные поединки менее жестокими упражнениями, в которых, однако, можно было бы проявить силу и ловкость, а победители могли бы получать отличия и награды. К примеру, умение управлять лошадью — очень подходящее для поляков упражнение, и при этом оно может стать блестящим представлением.

Гомеровские герои все без исключения отличались силой и ловкостью и тем показывали народу, что они готовы повести его за собой. Приезды странствующих воинов давали возможность воспитать людей не только храбрых и доблестных, но и алкающих отличий и славы, способных проявить все свои добродетели. Из-за использования огнестрельного оружия телесная сила и ловкость стали менее полезными на войне и потому менее почитаемыми. Из этого следует, что, помимо умственных качеств, часто вызывающих сомнения, не вполне уместные, и относительно которых можно тысячу раз ошибаться, да и народ часто судит о них неверно, у человека, имеющего преимущества от рождения, как такового нет ничего такого, что отличало бы его от другого человека, ничего, что оправдывает его богатство, ничего из того, что указывает на личное и данное от рождения право превосходства над остальными; и чем больше пренебрегают внешними проявлениями качеств человека, тем более тех, кто нами правит, вполне безнаказанно ведут изнеженный образ жизни и развращаются. А между тем надлежит, и гораздо более, чем принято думать, чтобы те, кто однажды должны будут повести за собой людей, проявили себя с ранней юности лучше окружающих во всем или, по крайней мере, постарались себя таким образом проявить. Более того, было бы желательно, если бы народ вместе со своими правителями часто собирался по приятному поводу, чтобы народ знал их в лицо, привык их видеть и разделял бы с ними свои развлечения. Но при этом повиновение старшему всегда сохранялось, а народ мог смешивать себя со своими правителями, и это — способ вызвать у него восхищение перед ними и соединить уважение с его стороны с привязанностью к ним. И, наконец, вкус к телесным упражнениям отвращает от опасной праздности, изнеживающих удовольствий и роскоши, сопровождающей умственные занятия. Именно ради души следует упражнять тело, а это то, что наши мелочные мудрецы совсем не принимают во внимание.

Не пренебрегайте же украшением мест, где собираются люди, пусть оно будет благородным, внушительным, и пусть великолепие отражается не на вещах, а на людях. Невозможно себе представить, в какой мере сердце народа следует за его взглядом и до какой степени величие церемониала внушает ему почтение, и все это придает власти вид порядка, соблюдения правил, внушающих доверие, которое устраняет саму мысль о причудах и прихотях, довольно час-

то заметных при произвольных правлениях. Нужно только избегать в устройстве торжеств мишуры, роскошных украшений, которые обычно используют при дворах. Праздники свободного народа должны всегда дышать сдержанностью и серьезностью, и там следует показывать в качестве предметов, вызывающих восхищение, лишь те, что достойны его уважения. Во время триумфа римляне выставляли напоказ огромную роскошь, но то была роскошь побежденных, и чем ярче был блеск этой роскоши, тем меньше она соблазняла. Сам блеск этой роскоши был величайшим уроком для римлян. Взятые в плен цари были закованы в золотые цепи с драгоценными камнями. Вот пример правильного отношения к роскоши. Часто той же цели достигают противоположным путем. Два свертка льна, выставленные в палате пэров в Англии перед креслом лорда-канцлера, представляют в моих глазах трогательную и возвышенную награду. Две копны колосьев пшеницы, таким же образом помещенные в польский Сенат, произвели бы, на мой взгляд, не менее прекрасное впечатление.

Огромное расстояние, отделяющее имущество сеньоров и небогатых дворян, является великим препятствием для необходимых преобразований, цель которых превратить любовь к родине в главную страсть поляков. До тех пор пока роскошь будет царить в домах знати, зависть будет царить во всех сердцах. Всегда предметом восхищения народа окажутся вождения частных лиц; если для того, чтобы блистать, требуется богатство, господствующей страстью навсегда останется страсть к наживе. Это могущественное средство испортить нравы, которое нужно ослабить, насколько это возможно. Если иные притягательные предметы, знаки достоинства отличают людей разных званий, а при этом богатых их не лишат, тайные помыслы естественным образом устремятся к почетным отличиям, то есть отличиям, связанным с заслугой и добродетелью, ибо в этом случае их можно будет получить только таким образом. Довольно часто римские консулы были бедны, но за ними следовали ликторы, внешний облик которых вызывал зависть у народа, и вот тогда плебеи достигли консульских должностей.

Полная отмена роскоши там, где царит неравенство, мне кажется, признаюсь, трудным предприятием. Но не здесь ли кроется способ изменить представление о предмете этой роскоши и тем самым сделать ее пример менее пагубным? Например, раньше бедное дворянство в Польше было привязано к знати, дававшей ей воспита-

ние и средства к существованию⁹. Вот воистину великая и благородная роскошь, недостатки которой я отчетливо понимаю, но, по крайней мере, она, вместо того чтобы унижать души людей, их возвышала, внушала им определенные чувства, давала им внутреннюю опору, и ей не злоупотребляли римляне во времена республики. Я читал, как однажды герцог д'Эпернон, встретив герцога Сюлли¹⁰, стал искать с ним ссоры, но, имея в своей свите всего лишь шесть сотен дворян, он не осмелился напасть на Сюлли, в свите которого было восемь сотен дворян. Я сомневаюсь, что подобного рода роскошь оставит много места для роскоши, состоящей из безделушек, но ее пример, по крайней мере, не станет соблазнять бедняков. Уговорите польскую знать обладать роскошью лишь подобного рода; возможно, из этого последуют ссоры, противоречия, но нравы нации не будут испорчены. Помимо этой роскоши, станем терпимо относиться к роскоши военной, роскошному вооружению, дорогим лошадям, но пусть всякого рода изнеживающая роскошь окажется достойной презрения, и если невозможно будет заставить отказаться от этой последней женщин, пусть их научат по крайней мере не одобрять ее и презирать у мужчин.

В конечном итоге, не законами против роскоши добиваются ее искоренения: ее нужно вырвать из сердец, запечатлев в них более здоровые и благородные вкусы. Запрет на то, что не следует делать, — это тщетное и бесполезное средство в том случае, если с самого начала не заставить ненавидеть и презирать подобные вещи, и неодобрение со стороны закона действительно только тогда, когда оно подкрепляется суждением людей. Тот, кто собирается создать народ, должен уметь властвовать над мнениями и с их помощью направлять пристрастия людей. Это истинно в отношении того, о чем я говорю. Законы против роскоши, благодаря принуждению, порождают желания гораздо быстрее, чем гасят эти желания с помощью наказания. Простота нравов, простота внешнего вида — это скорее не результат применения закона, а плод воспитания.

Глава IV

Воспитание

Это важный раздел¹¹. Именно воспитание должно придать национальную закалку душам поляков и так направлять мнения и вкусы граждан, чтобы они были патриотами по склонности, из при-

страстия и по необходимости. Дитя, открывая глаза, должно видеть отечество и до самой смерти не видеть ничего, кроме него. Всякий истинный республиканец с молоком матери впитывает любовь к отечеству, то есть любовь к законам и свободе. В этой любви сосредоточено все его существование; перед его глазами только отечество, он живет лишь ради него; коль скоро он оказался в одиночестве — он ничто; коль скоро у него нет больше отечества — он больше не существует; и если он не умрет, тем хуже для него.

Национальное воспитание — это достояние лишь свободных людей; только у них — совместное существование, и только они действительно связаны законом. Француз, англичанин, испанец, итальянец, русский — все они почти что один и тот же человек. Заканчивая колледж, он уже вполне склонен к распущенности, то есть к рабству. В двадцать лет поляк должен быть никем иным, кроме как поляком. Я хочу, чтобы, научившись читать, он читал о деяниях своей страны, чтобы в десять лет он знал обо всем том, что она производит, в двенадцать — все ее провинции, все дороги, все города; чтобы в пятнадцать лет он узнал ее историю, в шестнадцать — все законы; чтобы не было в Польше ни замечательного поступка, ни знаменитого человека, знанием о которых не заполнили бы его память и сердце и о них он не сумел бы при случае рассказать. Из этого следует сделать вывод, что я бы желал, чтобы дети посещали не привычные для всех занятия, проводимые иностранцами и священниками. Предмет, порядок и вид занятий следует определить в законе. Наставниками должны стать только поляки; все, по возможности, люди женатые, отличающиеся добрым нравом, честностью, здравомыслием, познаниями и предназначенные впоследствии для должностей не более важных или более почетных — ибо это не так, — но для менее трудных и более заметных, когда по истечении определенного количества лет они достойно завершат отправление этой должности. Особенно остерегайтесь превращать звание педагога в ремесло государственного деятеля. Всякое должностное лицо в Польше должно иметь лишь одно постоянное положение, а именно положение гражданина. Все занимаемые этими лицами должности, и особенно важнейшие, такие как должность педагога, должны считаться местами, где проходят испытание, и как ступени для того, чтобы подняться выше, сообразно заслугам. Я умоляю поляков обратить внимание на это правило, на значении которого я часто буду настаивать; я считаю его основным рычагом

в государстве. В дальнейшем вы увидите, как можно, на мой взгляд, сделать это правило осуществимым во всех без исключения случаях.

Мне совсем не нравятся те различия между гимназиями и академиями, вследствие которых бедная и богатая знать воспитывается по-разному и порознь. Все, будучи равными в силу устройства государства, должны воспитываться вместе и одинаковым образом; и если нельзя завести совершенно бесплатное общественное воспитание, нужно, по крайней мере, установить за него такую плату, которую бедные в состоянии заплатить. Разве нельзя было бы в каждой гимназии определенное число мест сделать просто бесплатными, то есть оплачиваемыми государством, и ввести то, что во Франции называют содержанием? Эти места, предоставляемые детям бедных дворян, заслуживших это не в качестве милостыни, но награды за добрые услуги отцов родине, стали бы в силу этого права почетными и могли бы принести двойную пользу, которой не следует пренебрегать. При этом распределение мест не должно быть произвольным, но его следует осуществлять в соответствии с особым постановлением, о чем скажу ниже. Тех, кто займет эти места, станут называть *Детьми Государства* и отметят каким-либо почетным знаком, который обеспечивал бы им старшинство над другими детьми их возраста, не исключая и детей вельмож¹². Во всех колледжах нужно устроить для детей гимназии, или места для телесных упражнений. Этот пункт воспитания, которым столь часто пренебрегают, является, на мой взгляд, наиболее существенной его частью, и притом не только для воспитания людей крепких и телесно здоровых, но еще более для воспитания нравственного — а этой стороной дела либо совершенно пренебрегают, либо заменяют ее массой мелочных и бесполезных предписаний, но все это — все равно что бросать пустые слова на ветер. Я никогда не устану повторять, что хорошее воспитание должно быть отрицательным. Помешайте порокам зародиться, и вы достаточно сделаете для того, чтобы зародилась добродетель. Способ добиться этого совершенно прост при наличии хорошего общественного воспитания: он заключается в том, чтобы поддерживать в детях бодрость духа, но не с помощью скучных занятий, на которых они ничего толком не понимают и которые становятся им ненавистны потому только, что они вынуждены сидеть на месте неподвижно; но посредством упражнений, которые им нравятся, потому что они удовлетворяют потреб-

ность их растущего организма в движении; но привлекательность этих занятий тем не ограничивается.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы дети играли поодиночке, как им заблагорассудится: дети должны играть все вместе и на виду, так чтобы у них появилась общая цель, к которой все стремятся, и она пробуждает дух соперничества и соревнования. Тем родителям, что предпочтут домашнее воспитание и захотят воспитывать детей под своим присмотром, должны отправлять детей участвовать в упражнениях. Обучение детей может оставаться домашним и частным, но их игры пусть станут общественными и общими для всех; ибо здесь речь идет не только о том, чтобы их занять и сформировать крепкое телесное сложение, воспитать их подвижными и стройными, но и о том, чтобы с самого начала приучить их жить на виду у сограждан, приучить их к порядку, к равенству, братству, соревнованию и воспитать в них желание заслужить одобрение общества. При этом призы и награды победителям наставникам в упражнениях или главам колледжей надлежит присуждать не произвольно, а принимая во внимание шумное одобрение и суждения зрителей; и можно рассчитывать, что решения наставников всегда окажутся справедливыми, особенно если позаботиться о привлекательности этих игр для общества, устраивая их с некоторой торжественностью и так, чтобы они представляли собою увлекательное зрелище. Тогда можно предположить, что все честные люди и все добрые патриоты сочтут своим долгом на них присутствовать и получают от этого удовольствие.

В Берне существует весьма необычное упражнение для молодых патрициев, заканчивающих колледж. Это то, что называют *внешним видом государства*. Это уменьшенная копия всего того, что составляет управление республикой: сенат, надзиратели, офицеры, приставы, ораторы, тяжбы, приговоры, торжества. Этот «внешний вид государства» состоит из небольшого правительства, обладающего некоторыми доходами; и это учреждение, разрешенное и поощряемое суверенной властью, является питомником государственных деятелей, которые когда-нибудь станут управлять общественными делами на тех же должностях, что поначалу они отправляли во время игры¹³.

Какой бы облик ни придали общественному воспитанию (в эти подробности я сейчас не вхожу), надлежит учредить коллегия магистратов высшего ранга, которая осуществляла бы высшее управ-

ление воспитанием и назначала бы, смещала и замещала по собственной воле как директоров или начальников гимназий, являющихся, как я уже говорил, соискателями высших магистратур, так и наставников в упражнениях; надо позаботиться о поощрении усердия и бдительности этих последних, открыв или закрыв им доступ к высшим должностям в зависимости от того, как они проявят себя. Поскольку от этих учреждений зависит все будущее республики, слава и судьба нации, я удивлен, что прежде нигде не подумали придать им такое значение. Мне горько за человечество, что столько мыслей, которые мне кажутся нужными и полезными, и притом легко осуществимыми, столь далеки от того, что существует на деле.

Но здесь я ограничиваюсь лишь указанием; и этого будет достаточно для тех, к кому я обращаюсь. Эти еще не развитые мысли указывают на пути, давно позабытые современными людьми, по которым древние вели людей к той душевной твердости, патриотическому усердию, к уважению воистину возвышенных личных качеств, пренебрегая тем, что чуждо человеку; сегодня мы не видим примеров этих качеств, но их закваска в сердце каждого человека ждет лишь своего часа, чтобы начать бродить благодаря пригодным для этого учреждениям. Направляйте в этом духе воспитание, обычаи, привычки, нравы поляков, и еще больше забродит эта закваска, которая пока еще не улетучилась благодаря порочным правилам, одряхлевшим учреждениям и эгоистической философии, проповедующей то, что убивает душу. Нация будет вести отсчет своего второго рождения от ужасного и переломного времени, которое она пережила; и, при виде того, что совершили ее еще не привыкшие к повиновению члены, она вправе многого ожидать и еще больше получить от хорошо продуманных установлений; она будет ценить и уважать законы, потакающие ее благородной гордости, и они сделают ее счастливой, свободной и укрепят ее в этом положении, искоренив в ней пристрастия, которые заставляют обходить предписания законов; нация вскормнит те пристрастия, что внушат любовь к ним; и, наконец, сама она, если можно так выразиться, обновляясь, вновь обретет в этом возрасте обновления всю силу возрождающейся нации. Но без осуществления этих мер не ждите ничего от ваших законов. Какими бы мудрыми, какими бы предусмотрительными эти законы ни были, если будут уклоняться от их соблюдения, они останутся бесполезными; и вы исправите некото-

рые ощутимые вами пороки, но при этом откроете дорогу другим, вами не предвиденным. Вот те безусловно необходимые замечания, которые я счел необходимым сделать.

Глава V

Коренной порок

Давайте постараемся, по возможности, с самых первых шагов избежать того, чтобы лелеять несбыточные замыслы¹⁴. Какое предприятие, господа, занимает вас в настоящий момент? Преобразование правления Польши: иными словами, попытка придать государственному устройству большого королевства внутреннюю силу и прочность малой республики. Прежде чем приниматься за исполнение этого замысла, следовало бы сначала убедиться, есть ли возможность преуспеть в его осуществлении. Величие наций и обширная территория государства — вот первый и основной источник бед рода человеческого и особенно бесчисленных несчастий, уничтожающих культурные народы, подрывая их устои. Малые государства, республики и монархии, почти все без различия, процветают уже в силу того, что они малы, и все граждане там знакомы друг с другом и видятся, в силу того, что правители своими глазами могут заметить возникшее зло и то добро, которое им надлежит сделать, а их приказы исполняются у них на виду. Все большие народы, раздавленные грузом собственного величия, жалуются, пребывая, подобно вам, в состоянии анархии или находясь под игом подначальных королю угнетателей, которых необходимость в различных уровнях управления вынуждает монарха завести. Только Господь может управлять миром; и необходимы способности, превышающие человеческие, чтобы управлять большими нациями. Удивительно и чудесно, что огромные просторы Польши тысячу раз не превратили ее правление в деспотическое, не способствовали вырождению душ поляков и не испортили нацию в целом. Это единственный в истории пример того, как по истечении стольких веков подобное государство все еще не впало в состояние анархии. Медленность развития в этом направлении зависела от преимуществ, не отделимых от тех недостатков, от которых вы хотите избавиться. Ах! я никогда не устану повторять: хорошенько подумайте, прежде чем пробовать исправить законы, и в особенности те, что

создали вас такими, какими вы являетесь теперь. Главное и необходимое для вас преобразование — это преобразование протяженности государства. Ваши обширные провинции никогда не позволят завести строгое управление, свойственное малым республикам. Если желаете преобразовать ваше правление, для начала сократите протяженность ваших границ. Возможно, ваши соседи мечтают оказать вам эту услугу. Это, несомненно, стало бы великим злом для отделенных частей Польши; но это оказалось бы большим благом для организма нации.

Допустим, это урезание территории не получится; тогда я вижу лишь одно средство, которое, возможно, здесь поможет, и, к счастью, оно заключено в духе ваших учреждений: чтобы разделение на две Польши оказалось бы столь же заметно, как и разделение Литвы; пусть у вас возникнет три государства, объединенных в одно. Я хотел бы, если только это возможно, чтобы у вас стало больше воеводств. Образуйте в каждом из них нужное количество обособленных правительственных учреждений. Усовершенствуйте внешний облик сеймиков, распространите их власть на соответствующие воеводства; но четко проведите границы и сделайте так, чтобы ничто не смогло разорвать между ними связь, основанную на общности законодательства и подчинении организму республики. Одним словом, займитесь развитием и усовершенствованием строя федеративных правлений. Только он соединяет в себе преимущества больших и малых государств, и тем самым это — единственное, что вам подходит. Если вы пренебрежете этим советом, я сомневаюсь, что вам когда-нибудь удастся сделать хорошее дело.

Глава VI

Вопрос о трех разрядах

Я почти ни разу не слышал, чтобы, рассуждая о правлении, не выводили его из начал, которые кажутся мне двусмысленными и неверными. Республика Польша, как это часто говорили и повторяли, состоит из трех разрядов: всадники, Сенат и король. Я бы предпочел сказать, что польская нация состоит из трех разрядов: дворянство является всем, буржуа — никем, а крестьянство — и того хуже. Если мы считаем Сенат разрядом в государстве, то почему не рассматриваем в этом смысле как таковую Палату нунциев, столь же

обособленную и обладающую не меньшей властью? И даже больше: это разделение в том смысле, в котором его понимают, очевидно, неполно, поскольку к нему следовало бы добавить министров, не являющихся ни королями, ни сенаторами, ни нунциями и, тем не менее, в не меньшей мере обладающих исполнительной властью. Каким образом меня убедят в том, что часть, существующая только в качестве части целого, образует, однако, в отношении целого разряд, не зависимый от него? Пэрство в Англии, исходя из того что оно является наследственным, образует, я согласен, отдельный разряд. Но в Польше стоит устранить всаднический разряд — и нет больше Сената; поскольку никто не может стать сенатором, если он не является в первую очередь польским аристократом. Также исчезнет и король, поскольку именно всаднический разряд его избирает, и без него король ничего не может предпринять. Но устраните Сенат и короля: всаднический разряд, а благодаря ему государство и суверен, сохраняют целостность, и с завтрашнего дня он, если ему будет угодно, образует Сенат и выберет короля, как он делал и раньше.

Однако, хотя Сенат и не образует разряд в государстве, из этого не следует, что он в нем не играет никакой роли; и даже если он не является, будучи организмом, хранилищем законов, его члены, независимо от самого этого организма, в не меньшей степени обладают законодательными полномочиями; помешать им голосовать во время заседания сейма всякий раз, когда речь идет о принятии или отмене законов, означало бы отнять у сенаторов право, которым они обладают от рождения, ибо в этом случае они голосуют не в качестве сенаторов, а в качестве простых граждан. Как только законодательная власть высказывается, восстанавливается равноправие; всякая иная власть умолкает перед ней; ее голос — это глас Божий на земле. Даже король, председательствующий в сейме, не имеет права на нем голосовать, если он — не польский дворянин. С чем я вполне согласен.

Без сомнения, мне возразят здесь, что я слишком многое доказываю и что если сенаторы как таковые не наделены правом голоса в сейме, то они не должны иметь его и в качестве граждан, поскольку лица, принадлежащие к всадническому разряду, голосуют там не самостоятельно, но через представителей, а в числе последних сенаторов нет¹⁵. И почему бы они должны голосовать в качестве частных лиц в сейме, раз ни один дворянин, если только он не нунций, не может там голосовать? При настоящем положении вещей это

возражение кажется мне основательным; но когда осуществляются предлагаемые мной изменения, то таковое возражение снимается, поскольку тогда сенаторы сами станут постоянными представителями нации, которые смогут законодательствовать только при участии своих коллег.

И пусть мне не возражают, будто соучастие короля, Сената и всаднического разряда необходимо для создания закона. Это право принадлежит только всадническому разряду, членами которого являются сенаторы в качестве нунциев, но в нем Сенат в качестве организма не принимает никакого участия. Таков есть или, вернее, должен быть в Польше закон государства: но закон природы, этот священный и непреложный закон, говорящий сердцу и разуму человека, не позволяет, чтобы таким образом ограничивалось влияние законодательной власти и чтобы законы обязывали тех, кто не голосовал за них лично, подобно нунциям, или, по крайней мере, через представителей, подобно организму дворянства. Мы не можем безнаказанно нарушить этот священный закон; и состояние слабости, в котором пребывает столь большая нация, есть порождение феодального варварства, ведь при нем от организма государства отделяется его самая многочисленная, а иногда и самая полезная часть.

Не дай-то Бог, чтобы я почувствовал необходимость доказывать здесь то, в чем убедились бы все, обладай они хоть немного здравым смыслом и состраданием! И откуда Польша думает взять силы и мощь, которые она словно нарочно ослабляет внутри себя? Благородные поляки, будьте чем-то ббльшим — будьте людьми. Только тогда вы станете счастливы и свободны. Но пока вы держите ваших братьев и сестер в оковах, не обольщайте себя мыслью, будто вы уже являетесь таковыми.

Я понимаю трудность замысла освободить ваш народ. То, чего я опасюсь, — это не только плохо понятые выгоды, себялюбие и предрассудки хозяев. Как только эти препятствия будут преодолены, я больше стану опасаться пороков и трусости рабов. Свобода — пища, при виде которой текут слюнки, но она с трудом переваривается; необходим здоровый желудок, чтобы с ней справиться. Я смеюсь над народами с низменным нравом, над теми, что, позволяя заговорщикам взбунтовать себя, осмеливаются говорить о свободе, не имея о ней ни малейшего понятия, и с сердцем, полным рабских пороков, воображают, будто стали свободными, только потому, что

оказались бунтарями. Гордая и священная свобода! Если бы только эти жалкие люди могли узнать тебя, чем ты являешься, если бы они понимали, какой ценой тебя добывают и сохраняют, если бы они только могли почувствовать, насколько твои законы более суровы, чем ярмо тиранов: их слабые души, пребывая в рабстве страстей, которые следовало бы смирить, страшились бы тебя в сотни раз больше, чем рабства; они в страхе бежали бы от тебя как от ноши, готовой их раздавить.

Освободить народ Польши — это великое и прекрасное предприятие, но отчаянное, опасное, и к его исполнению не следует приступать безрассудно. Среди мер предосторожности, которые следует принять, есть одна необходимая и требующая времени. Она заключается, в первую голову, в том, чтобы сделать рабов, подлежащих освобождению, достойными свободы и способными ее выдержать. Я изложу в дальнейшем один из способов, который можно при этом использовать. Было бы безрассудно с моей стороны ручаться за успех, хотя я в нем и не сомневаюсь. Если существует лучший способ, то пусть им воспользуются¹⁶. Но каким бы он ни был, задумайтесь о том, что ваши рабы — такие же люди, как и вы, что они также сотканы из материи, позволяющей им стать теми, кем являетесь вы сами. Потрудитесь сначала задействовать свободу и не освобождайте рабов телесно, прежде чем освободите их души. Без этой подготовительной работы считайте, что ваше дело не будет иметь успеха.

Глава VII

Способы сделать устойчивым государственный строй

Законодательство Польши, как и всей Европы, создавалось постепенно, отрывочно и по частям. По мере того как обнаруживали злоупотребление, добавляли закон, чтобы его исправить. От этого закона вновь появлялись злоупотребления, которые также требовалось устранить. Этот образ действий не имеет конечного результата и ведет к самому страшному из всех злоупотреблений, а именно ослаблению действия всех законов путем умножения их числа.

Ослабление законодательства произошло в Польше особенным образом, единственным в своем роде: оно потеряло свою силу, хотя и не оказалось в подчинении у исполнительной власти¹⁷. В настоя-

щее время законодательная власть, все еще сохраняя все свое влияние, бездействует, но ничто не довлеет над ней. Сейм является таким же сувереном, каким он был в момент своего учреждения. Тем не менее, она утратила свою силу: ничто над ней не царствует, но ничто ей и не подчиняется. Над этим примечательным положением дел стоит поразмыслить.

Что до сих пор сумела сохранить за собой законодательная власть? Постоянное присутствие Законодателя. Именно частота заседаний сеймов, постоянная смена нунциев сохраняют республику. Англия, воспользовавшаяся преимуществом частоты заседаний парламента, потеряла свою свободу, пренебрегая частой сменой парламентариев. Тот же парламент заседает столь долго, что Двор, тративший средства на его подкуп каждый год, счел для себя выгодным покупать его сразу на семь лет и не просчитался. Это первый урок для вас.

Второе средство, благодаря которому законодательная власть сохранилась в Польше, это, во-первых, разделение власти исполнительной, что помешало ее представителям действовать сообща, чтобы ее подавлять, и, во-вторых, это частый переход этой власти из рук в руки, что помешало возникновению последовательных планов ее произвольного захватв. Каждый король в период своего правления предпринимал некоторые шаги в сторону установления произвольной власти. Но выборы его преемника заставляли его действовать с оглядкой, вместо того чтобы продолжать свое дело; и новые короли в начале своего царствования были вынуждены в силу *pacta conventa* начинать все сначала¹⁸. Таким образом, несмотря на привычную склонность к деспотизму, они по-настоящему не смогли продвинуться вперед.

То же самое случилось с министрами и высшими должностными лицами. Все они, будучи независимыми от Сената и друг от друга, обладали — каждый в своем ведомстве — безграничной властью; но, помимо того, что эти должности взаимно уравнивали друг друга, они не закреплялись за отдельными семьями и не обладали какими-либо неограниченными возможностями, и всякая власть, даже присвоенная произвольно, всегда возвращалась к своему источнику. Дело обстояло бы иначе, если бы исполнительная власть сосредоточилась либо в одном организме, к примеру, в Сенате, либо в одном семействе из-за наследования короны. Это семейство или организм, вероятно, рано или поздно сумели бы притеснить зако-

нодательную власть и тем самым надеть на поляков ярмо, которое несут на себе все нации и от которого только лишь две из них свободны, поскольку я уже не считаю Швецию в числе свободных стран. Это второй урок.

Вот преимущество, и оно, несомненно, велико. Вот недостаток, и он нисколько не меньший. Исполнительная власть, будучи разделенной между многими людьми, лишена согласованности в действиях своих частей, и это является причиной постоянных раздоров, несовместимых с добрым порядком правления. Каждый обладатель части этой власти ставит себя, в силу обладания ею, во всех отношениях выше магистратов и законов. На деле он признает власть сейма: но, признавая только эту власть, в момент роспуска сейма он уже не признает никакую власть; он презирает суды и насмехается над приговорами. Это те же мелкие деспоты, которые хотя прямо и не присваивают себе суверенную власть, тем не менее продолжают угнетать граждан по мелочам, без боязни и угрызений совести, подавая пагубный и столь часто повторяющийся пример нарушения прав и свобод частных лиц.

Я полагаю, что в этом заключается первая и основная причина анархии, царящей в государстве. Чтобы ее устранить, я вижу только одно средство: речь идет не о том, чтобы облечь государственной властью отдельные суды, противопоставив их этим мелким тиранам, поскольку эта власть, порой плохо употребляемая, а иногда подчиненная вышестоящей силе, могла бы возбудить волнения и беспорядки, способные постепенно привести к гражданской войне, а о том, чтобы вооружить силой исполнительной власти постоянно существующий и уважаемый организм, такой как Сенат, способный благодаря своей устойчивости и власти удержать в рамках долга магнатов, желающих уклониться от его исполнения. Это средство кажется мне действенным и, конечно же, окажется таковым, но опасность анархии ужасна, и ее очень трудно избежать. Поскольку, как можно увидеть в «Общественном договоре», всякий организм исполнительной власти постоянно и настойчиво стремится подчинить себе власть законодательную, в этом он рано или поздно преуспевает¹⁹.

Чтобы избежать этого неудобства, вам предлагают разделить Сенат на несколько советов, или ведомств, каждый под председательством министра, управляющего этим ведомством; каждого министра, так же как и членов совета, сменяли бы по истечении неко-

его установленного срока, и они менялись бы местами с должностными лицами иных ведомств. Эта мысль, может быть, хороша; она принадлежит аббату де Сен Пьеру, которую тот вполне развил в своей «Полисинодии»²⁰. Исполнительная власть, таким образом разделенная и действующая время от времени, будет более подчинена власти законодательной, и различные части управления станут более развитыми и, каждая по отдельности, окажется более уступчивой. Однако не стоит слишком рассчитывать на это средство: если их окончательно разделят, то им не останется согласованности, и вскоре они, чиня препятствия друг другу, начнут тратить почти все свои силы на взаимную борьбу до тех пор, пока одна из сторон не возьмет верх и не станет господствовать над всеми остальными; или, если они сговорятся и будут действовать сообща, они окажутся лишь тем же самым организмом, проникнутым духом единства, напоминая палаты парламента. Во всяком случае, я менее всего склонен верить в то, что независимость и равновесие будут между ними сохраняться столь хорошо, что просто не сможет образоваться какой-либо центр или правительственное учреждение, в котором отдельные силы окончательно соединятся, дабы притеснить суверена. Почти во всех наших республиках советы поделены таким же образом на ведомства, изначально независимые друг от друга, но вскоре переставшие таковыми быть.

Это разделение на палаты или ведомства изобретено недавно. Древним, которым было лучше нас известно, каким образом сохранить свободу, едва ли было знакомо это средство. Сенат Рима управлял половиной известного тогда мира, и ему не приходила в голову даже мысль о подобном разделении. Правда, этому сенату так и не удалось притеснить власть законодательную, хотя сенаторы и оставались пожизненными. Однако у законов были цензоры, у народа — трибуны, а сенат не избирал консулов.

Чтобы управление стало сильным, правильным и в точности соответствовало своей цели, вся исполнительная власть должна быть сосредоточена в одних и тех же руках. Но недостаточно того, чтобы эти руки сменяли друг друга; нужно, чтобы они трудились, по возможности, только под присмотром Законодателя и чтобы именно он их направлял. Вот подлинная тайна того, как избежать присвоения ими власти Законодателя.

Пока сословия собираются, а нунции часто меняются, Сенату и королю трудно станет притеснить или присвоить законодатель-

ную власть. Замечательно, что до сих пор короли и не пытались реже проводить заседания сеймов, хотя их и не вынуждали, как королей Англии, собирать их часто из опасения остаться без денег. Должно случиться так, что или наступит переломное время и при этом королевская власть окажется не в состоянии справиться с возникшими обстоятельствами, или же, напротив, короли обеспечат себе, благодаря своим проискам в сеймиках, постоянное большинство голосов нунциев, которое окажется в их распоряжении, или, прикрываясь *liberum veto*, они будут уверены в своих возможностях приостановить прения, могущие им не понравиться, и распустить сеймы по своей воле. Когда же все эти побуждения перестанут иметь место, надо полагать, что король, или Сенат, или оба вместе приложат большие усилия, чтобы избавиться от сеймов и проводить их настолько редко, насколько это возможно. Вот что весьма важно предотвратить и чему следует воспрепятствовать. Предложенный способ является единственным в своем роде; он просто не может не быть действенным. Довольно странно, что до «Общественного договора», в котором я его предлагаю, никто еще о нем не догадался²¹.

Одно из самых главных неудобств больших государств, вследствие которого трудно сохранить в них свободу, заключается в том, что законодательная власть не может там проявлять себя как таковая и вынуждена действовать через представителей. Во всем этом есть как хорошее, так и плохое, но больше плохого. Законодателя в целом невозможно подкупить, но легко обмануть. Его представителей трудно обмануть, однако легко подкупить, и редко бывает иначе. У вас перед глазами пример парламента Англии и, благодаря *liberum veto*, пример вашей собственной нации. Конечно, можно просветить того, кто заблуждается; но как удержать от подкупа того, кто продается? Не будучи искушенным в польских делах, я готов держать пари со всем миром, что лица более прозорливы в сейме и более добродетельны в сеймиках.

Я вижу два способа предотвратить подкуп — это ужасное зло, которое превращает носителя свободы в орудие ее уничтожения.

Первый способ, как я уже говорил, — частый созыв сеймов, часто меняющих состав представителей, что превращает их подкуп в дело дорогое и трудное. В этом отношении ваше государственное устройство гораздо лучше устройства государства в Великобритании, и если бы смогли отменить или изменить *liberum veto*, то я не вижу,

какое еще изменение необходимо произвести, разве что добавить ограничения в отношении выборов одних и тех же нунциев и избирать их не более чем на два сейма подряд, таким образом препятствуя их многократному избранию. Позднее я еще вернусь к этому вопросу.

Второй способ заключается в том, чтобы обязать представителей четко следовать их наказам и давать строгий отчет своим избирателям о своем поведении на сейме. Кроме того, я могу лишь удивиться той небрежности, беспечности и, смею сказать, глупости английской нации, которая, наделив своих депутатов высшей властью, не добавила никакой узды с тем, чтобы они правильно пользовались этой властью в течение целых семи лет, пока делятся их полномочия.

Я заметил, что поляки недостаточно понимают значение своих сеймиков, ни всего того, чем они им обязаны, ни всего того, что они могут от них получить, расширив их власть и придав им более правильное устройство. Что касается меня, то я убежден, что если конфедераты спасли отечество, то сеймики его сохранили, и что именно в них находится алтарь истинной свободы.

Наказы нунциям надлежит составлять со всей тщательностью как в отношении вопросов, объявленных в повестке дня, так и в отношении насущных потребностей государства или провинции: и это следует делать в комиссии, состоящей из членов, избранных большинством голосов, под председательством, если можно его так назвать, маршала сеймика; и дворянству непозволительно ссылаться на то, что эти указы не были прочитаны, обсуждены или одобрены на собрании²². Кроме оригинала этих наказов, врученных нунциям вместе с их властью, должен оставаться в журналах сеймика второй экземпляр, подписанный ими. Именно в соответствии с наказами им надлежит по возвращении давать отчет о своем поведении в соответствующих сеймиках, которые, безусловно, следует восстановить; и в соответствии с этим отчетом их следует либо отстранить от любой иной последующей нунциатуры, либо сразу следует объявить, что они вновь будут туда допущены, если их избиратели были удовлетворены их работой. Эта проверка весьма важна, внимательность здесь является не лишней, а оценка исполнения не может не быть самой тщательной. Необходимо, чтобы при каждом слове, произнесенном нунцием в сейме, при каждом совершенном им поступке он чувствовал на себе внимание избирателей и то вли-

яние, которое оказывает их суждение как на его планы сделать карьеру, так и на уважение соотечественников, необходимое для ее продолжения. Задача нунциев состоит не в том, чтобы высказывать свое частное мнение, но в том, чтобы провозглашать волю нации, отправляющей их в сейм. Эта узда совершенно необходима, дабы удерживать их в рамках долга и предотвратить всякий подкуп с чьей-либо стороны. Какие бы возражения мне ни приводили, я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы установить это ограничение, поскольку палата нунциев, не принимая и не будучи должной принимать никакого участия в тонкостях управления, вообще не уполномочена обсуждать что-либо, заранее не предвиденное: впрочем, если только нунций не сделал что-либо противное явному волеизъявлению своих избирателей, они не должны считать за проступок то, что он подает свой голос как добрый гражданин по вопросу, который они не предусмотрели и по которому они ничего не определили. Наконец, я добавляю, что в случае если на деле и существует неудобство держать нунциев в повиновении данным им наказам, то вовсе не следует сомневаться относительно огромного преимущества, состоящего в том, что закон станет не чем иным, как подлинным выражением воли нации.

Но даже после принятия этих мер предосторожности не должно никогда допускать спора о полномочиях сейма и сеймиков, и когда закон вынесен на рассмотрение сейма, я не оставляю за сеймиками даже права возражать. Пусть сеймики наказывают своих нунциев, пусть даже, если потребуются, отрубают им головы, когда они нарушают свой долг, но пусть они полностью, всегда, всецело и безропотно повинуются; пусть сеймики понесут наказание — ибо это справедливо — за последствия неправильного выбора, но пусть им будет предоставлено право, если они сочтут нужным им воспользоваться, делать на ближайшем сейме такие пылкие заявления, какие только они посчитают уместными.

Так как заседания сеймов часты, они не должны быть слишком продолжительными; и срок в шесть недель кажется мне вполне достаточным для принятия решений относительно обычных нужд государства. Однако противоречием является то, что суверенная власть устанавливает сама себе препоны, особенно когда она находится непосредственно в руках нации. Пусть этот срок обычного заседания сейма продолжает оставаться ограниченным шестью неделями: в добрый час! Но пусть зависит от собрания, продлить ли

этот срок или нет путем особых прений, когда обстоятельства того требуют. Поскольку, если сейм, который по своей природе выше закона, заявляет: *Я желаю остаться*, кто же ему возразит: *Я не желаю, чтобы ты оставался?* Если все же однажды сейм пожелает продолжать свои заседания более двух лет, он не сможет этого сделать, его полномочия закончатся, а полномочия следующего сейма начнутся на третий год. Сейм, который вправе поступать как угодно, может и без каких-либо возражений установить более продолжительный промежуток между сеймами; но этот новый закон распространится только на последующие сеймы, и те, кто его провел, не смогут им воспользоваться. Начала, из которых эти нормы вытекают, установлены в «Общественном договоре».

В том, что касается чрезвычайных сеймов, добрый порядок требует, чтобы они созывались редко и только в случае крайней необходимости. Если король сочтет, что такая необходимость есть, как я считаю, ему следует в этом случае доверять: но иногда, вопреки необходимости, он, возможно, воспротивится его созыву. Нужно ли в этом случае, чтобы решение вынес Сенат? В свободном государстве следует предвидеть все случаи покушения на свободу. Если сохранить конфедерации, то они могли бы в отдельных случаях сыграть роль чрезвычайных сеймов: но если вы отмените конфедерации, то совершенно необходимо установить внутренний распорядок работы сеймов.

Мне представляется невозможным, благоразумно предусмотреть в законе продолжительность чрезвычайных сеймов, ибо она полностью зависит от характера дел, ради решения которых они созваны. Обычно здесь необходима быстрота, но она зависит от характера вопросов, которые не вписываются в порядок обсуждения текущих дел. В этом случае нельзя заранее что-либо определить по подобному вопросу, и могут возникнуть такие обстоятельства, что окажется весьма важным, чтобы либо сейм продолжал заседания до тех пор, пока они не изменятся, или же избрание обычного сейма не прекратит полномочия сейма чрезвычайного.

Чтобы сберечь время, столь ценное на заседаниях сеймов, нужно постараться устранить из собраний бесполезные прения, ведущие к его потере. Безусловно, на нем необходимо не только соблюдать правила и распорядок, но и соответствующий церемониал и величие. Я даже желал бы, чтобы об этом особенно позаботились и чтобы люди понимали, к примеру, что это — варварство и ужасное непри-

личие, когда на сейме появляется лицо с оружием в руках, оскверняя святилище законов. Поляки, разве вы более воинственны, чем римляне? Ведь никогда, даже во времена самых значительных потрясений в их республике, вид меча не оскорблял комиции и сенат. Но я также желал бы, чтобы, уделяя пристальное внимание вещам важным и необходимым, избегали делать все то, что можно сделать столь же хорошо в ином месте. Например, руги, то есть проверка законности избрания нунциев, — это потеря времени на сейме. Не то чтобы такая проверка не важна, но она может быть проведена столь же хорошо и даже лучше в том месте, где они были избраны, где их лучше знают и присутствуют все их соперники. Именно в их воеводстве, в сеймике, который избирает их депутатами, можно лучше удостовериться в правильности их избрания, потратив меньше времени, как это делается в отношении комиссаров из Радома и заседателей в Верховный суд²³. После этого сейму надлежит допустить депутатов к работе без обсуждений, по предъявлении лаудума²⁴, заверенного должностными лицами, избранными сеймиками, который они принесут с собой; и это нужно для того, чтобы заранее устранить не только помехи, способные замедлить избрание маршала, но и всякие происки, с помощью которых сенат и король могли бы воспрепятствовать выборам и допустить самоуправство в отношении тех подданных, которые им неуютны. То, что недавно произошло в Лондоне, — урок для поляков. Мне известно, что этот Уилкс²⁵ — всего лишь смутьян, но лишение его прав депутата означает, что дорожка проторена, и отныне в Палату общин допустят лишь подданных, угодных двору.

С самого начала следует проявить большее внимание к выбору членов сеймиков, обладающих в них правом голоса. Таким образом можно будет легче выявить тех, кого можно избрать в нунциатуру. «Золотая Книга Венеции» — образец, которому необходимо следовать в силу открываемых им возможностей. Было бы удобно и весьма легко составить в каждом городе точный список всех благородных: они, при соблюдении требуемых условий, были бы избраны и получили бы право голоса в сеймиках; их вписали бы в список дистрикта по мере достижения требуемого законом возраста, и из него вычеркивали бы имена тех, кого следует оттуда в необходимых случаях исключить, и указывали причину их исключения. Благодаря спискам, которым следует придать подобающий вид, легко можно было бы выявить как законно избранных членов сеймика, так

и подданных, достойных избрания в нунциатуру, а продолжительность споров по этому вопросу сильно сократилась бы. Наилучшее благочиние в сейме и сеймиках, безусловно, весьма полезная вещь, но я не стану слишком настойчиво повторять то, что не следует желать одновременно двух противоположных вещей; благочиние хорошо, а свобода лучше; и чем больше вы стесняете свободу внутренними распорядками, тем больше они открывают возможности для присвоения прав. Все способы, которыми вы воспользуетесь, с тем чтобы остановить произвол в порядке принятия законов, хотя бы сами по себе и хорошие, рано или поздно станут использовать для притеснения свободы. Долгие и бесполезные торжественные речи есть большое зло, ведущее к потере столь драгоценного времени; но великое благо, когда добрый гражданин осмеливается говорить лишь тогда, когда он имеет сказать нечто полезное. Как только на заседаниях сейма лишь немногим дозволят открывать рот и запретят говорить все, что заблагорассудится, они станут говорить лишь то, что угодно сильным мира сего.

После необходимых изменений в назначениях на должности и в распределении милостей, по всей вероятности, станет меньше угодливости и торжественных речей подобного рода, обращенных к королю. Можно было бы, однако, дабы «отжать воду» словесных ухищрений и витиеватости, обязать любого оратора, произносящего торжественную речь, высказывать в начале своего выступления предложение, которое он желает сделать, и, после того как он изложит свои доводы, он должен сделать общие выводы, следуя примеру королевских представителей в судах. Это не сделало бы выступления более краткими, но сдерживало бы тех, кто желает говорить только для того, чтобы ничего не сказать и потратить время на бесполезные речи.

Я не очень хорошо знаком с порядком, установленным в сеймах при принятии законов; но я уверен, что в силу прежде названных причин этот порядок не должен быть таким же, как в парламенте Великобритании, и что польский Сенат должен обладать властью управленческой, а не законодательной; что в случае принятия любого закона сенаторам следует голосовать только в качестве членов сейма, а не членов Сената, и что голоса следует подсчитывать поголовно, то есть одинаково в обеих палатах. Может быть, применение *liberum veto* и помешало провести это различие, однако оно ста-

нет крайне важным, когда *liberum veto* отменяют; тем более что Палату нунциев лишат еще одного весьма значительного преимущества, ибо я даже не допускаю, что сенаторы, а в еще меньшей степени министры когда-либо получают это право. Вету польских нунциев соответствует veto народных трибунов в Риме. Однако они осуществляли это право не в качестве граждан, а в качестве представителей римского народа. Потеря *liberum veto* — это потеря только для Палаты нунциев; организм Сената ничего от этого не потеряет и, следовательно, только выиграет.

С учетом сказанного, я вижу в сейме один недостаток, который необходимо исправить: дело в том, что количество сенаторов почти равно количеству нунциев, Сенат же обладает слишком большим влиянием в прениях и может с легкостью получить перевес благодаря уважению, которым он пользуется во всадническом разряде, и выиграть небольшое количество необходимых ему голосов²⁶.

Я утверждаю, что это — недостаток; поскольку Сенат, будучи особым организмом в государстве, безусловно, имеет соображения выгоды, отличные от соображений остальных организмов нации, а они иной раз могут противоречить последним. Однако закон, являющийся выражением общей воли, есть итог, полученный вследствие сочетания всех соображений частной выгоды, уравновешенных их большинством. Но поскольку соображения выгоды организма обладают слишком значительным весом, то они нарушают равновесие, поэтому и не следует допускать, чтобы они проникали туда сообща. Любая личность должна обладать своим собственным голосом, но не никакой отдельно взятый организм. Однако, если бы Сенат имел больше веса в сейме, то он не только приносил бы туда свои собственные соображения выгоды, но и они стали бы там преобладающими²⁷.

Средство устранить этот недостаток, соответствующее природе, обнаруживается само собой: увеличить количество нунциев; однако я опасаясь, как бы это не породило в государстве слишком много изменений и не привело к смуте, свойственной демократии. Если бы оказалось совершенно необходимо изменить это соотношение, то вместо того чтобы увеличить количество нунциев, я бы предпочел скорее уменьшить число сенаторов. И, по сути, я не вижу причины, почему, коль скоро во главе каждой провинции стоит великий воевода, необходимы еще и великие кастелланы. Но давайте не

будем терять из вида важность следующего правила: ничего не менять без необходимости, ни устранив, ни добавляя.

По-моему, лучше, если существует один совет, менее многочисленный, и предоставлено больше свободы тем, кто в него входит, нежели увеличивать его состав и стеснять свободу прений, поскольку это всегда приходится делать, когда количество их участников становится слишком велико. Добавлю, что если и возможно предвидеть благо и зло, нужно избегать того, чтобы сейм стал весьма многочисленным, дабы не лишиться себя возможности допустить туда однажды, не производя замешательства, новых депутатов, если дело дойдет до предоставления дворянских прав в городах и освобождения крестьян, как того следует желать ради могущества и счастья нации.

Давайте же поищем способ найти средство устранить этот недостаток иначе и, по возможности, с наименьшими изменениями.

Все сенаторы назначаются королем и, как следствие, являются его ставленниками; к тому же, они назначаются пожизненно, и по-сему образуют организм, не зависимый как от короля, так и от всаднического разряда, организм, который, как я уже говорил, имеет особые соображения выгоды и склонен присваивать власть. И не следует обвинять меня здесь в противоречии, коль скоро я допускаю, что Сенат есть организм в республике, отличный от других, хотя я и не допускаю, что он является разрядом, входящим в республику, поскольку в этом заключается важное отличие²⁸.

Во-первых, следует отобрать у короля право назначения в Сенат не столько по причине влияния, которое он сохраняет при этом на сенаторов и которое может быть и невелико, сколько по причине влияния на всех тех, кто желает ими стать, и через них на весь организм нации в целом. Кроме пользы от этого изменения для государственного устройства, при этом возникнет неоценимое преимущество в том, чтобы укротить придворный дух у знати и заменить его духом патриотическим. Я не вижу никакого неудобства, если сенаторов станет назначать сейм, и усматриваю в этом великое благо, достаточно понятное и не нуждающееся в пояснениях. Это назначение можно производить сразу на сейме или раньше, на сеймиках, путем представления известного числа подданных на освободившееся место в соответствующих воеводствах. Сейм остановит свой выбор на некоторых из них или изберет из них еще меньшее число лиц, право выбора среди которых можно предоставить королю. Но

почему бы сразу не пойти по самому простому пути и каждого воеводу не избрать от его провинции непосредственно в сейм? Какое неудобство может возникнуть от этих выборов для воеводы Полоцка, Витебска и для старосты Самогитии? И какую беду мы бы накликали, если привилегия этих трех провинций станет общим для всех правом? Давайте не будем терять из виду, насколько важно для Польши изменить государственное устройство в сторону содружества, чтобы избежать, насколько это возможно, бед, причиняемых размерами или, вернее, протяженностью государства²⁹.

Во-вторых, если вы добьетесь того, что сенаторы перестанут быть пожизненными, вы в значительной степени ослабите соображения выгоды организма, стремящегося к захвату власти. Но у этого предприятия есть свои сложности: во-первых, потому, что человеку, привыкшему руководить общественными делами, трудно в одночасье стать частным лицом, не совершив при этом никакого проступка; во-вторых, в силу того, что должности сенаторов соединены со званиями воевод и кастелланов, и им принадлежит власть на местах; при этом возникли бы беспорядки и недовольства от постоянного перехода этих званий и власти от одного лица к другому. Наконец, эта сменяемость не может распространяться на епископов и не должна распространяться на министров, должности которых, требующие особых талантов, не всегда легко отправлять. Если сан епископов станет пожизненным, то власть духовенства, и без того достаточно сильная, значительно возрастет; важно, когда эту власть уравнивает власть сенаторов, звание которых, так же как и звание епископов, тоже пожизненно, и они не менее епископов опасаются смещения с должности.

Вот какое средство устранить это неудобство я придумал. Я желал бы, чтобы должности сенаторов первого ранга продолжали оставаться пожизненными. Это привело бы к появлению восьмидесяти девяти несменяемых сенаторов, включая, помимо епископов и воевод, всех кастелланов первого ранга.

Что касается кастелланов второго ранга, то я хотел бы, чтобы их должности стали временными: либо на два года после новых выборов на сеймике, либо на более долгий срок, если это сочтут уместным; но им всегда надлежит оставлять свои должности по истечении срока своих полномочий, кроме тех из них, кого сейм пожелает переизбрать на новый срок: я допускаю это переизбрание только опре-

деленное количество раз в соответствии с замыслом, о котором речь пойдет позднее.

Такое препятствие, как звания, оказалось бы очень незначительным, поскольку эти звания связаны всего лишь с правом заседать в Сенате; их можно было бы безо всяких неудобств отменить, и вместо званий кастелланов скамьи они получили бы звание сенаторов-депутатов. Поскольку, согласно этому преобразованию, Сенат, облеченный высшей исполнительной властью, постоянно собирался бы в определенном составе своих членов, соответствующее количество сенаторов-депутатов также было бы обязано поочередно на нем присутствовать. Но здесь невозможно вести речь о подобных мелочах³⁰.

Благодаря такому едва заметному изменению, эти кастелланы или сенаторы-депутаты стали бы настоящими представителями сейма и составили бы противовес Сенату, усилив влияние всаднического разряда в собраниях нации таким образом, что пожизненные сенаторы, хотя и оказавшиеся более могущественными как в силу отмены *вето*, так и в силу уменьшения объема королевской власти и власти министров, частично смешанной в их организме, не могли бы сделать господствующим дух своего организма; и Сенат, состоящий пополам из членов временных и членов пожизненных, получил бы, насколько возможно, более правильное устройство, чтобы образовать промежуточную власть между Палатой нунциев и королем, обладая одновременно достаточной силой для решения вопросов управления и в полной мере находясь в зависимости от законов. Это преобразование кажется мне хорошим, потому что оно простое и при этом дает важный результат.

Чтобы умерить злоупотребления *вето*, предлагают считать голоса нунциев не поголовно, а по воеводствам. Необходимо крайне тщательно поразмыслить над этим изменением перед тем, как его осуществить, хотя и здесь имеются и свои преимущества, и это изменение благоприятно для создания содружества. Голоса, посчитанные целиком и поданные сообща, менее отчетливо выражают общую выгоду, нежели голоса, посчитанные обособленно, с учетом голоса каждого в отдельности. Среди нунциев воеводства часто во время обычных прений один из них сможет возобладать над другими и подчинить большинство своему мнению, тогда как этого не случится, если каждый голос будет независим. Так желающие подкупить получают меньше возможностей и смогут лучше узнать тех,

к кому обращаются с речью. К тому же, если каждый нунций отвечает перед сеймиком за себя самого, никто не сваливает вину на другого и никто не станет путать невиновного с виноватым, а распределительная справедливость будет соблюдаться наилучшим образом. Немало доводов приводится против этих порядков, которые сильно ослабили бы общую связь и могли бы на каждом сейме подвергнуть государство опасности раскола. Поставив нунциев в большую зависимость от наказов их избирателей, мы получаем почти то же преимущество, но безо всяких неудобств. Это предполагает, правда, что одобрение выразят не путем голосования, но открыто, с тем чтобы стали известны поведение и мнение каждого нунция в сейме и чтобы он отвечал сам за себя. Однако, поскольку этот способ одобрения является одним из тех, о которых я весьма обстоятельно рассуждал в «Общественном договоре», то было бы излишне здесь повторяться.

Что касается выборов, здесь мы поначалу, возможно, встретим некоторые затруднения как в этом случае, назначая сразу на каком-либо сейме столько сенаторов-депутатов, так и вообще в случае выборов большого числа лиц из еще большего. Эти затруднения вновь будут рассмотрены в плане, который я собираюсь предложить. Но, прибегая для этой цели к баллотировке, мы легко избавимся от этого затруднения благодаря напечатанным и пронумерованным карточкам, розданным избирателям накануне выборов, где укажут имена всех соискателей, из которых следует выбирать.

На следующий день избиратели поочередно бросят в корзину свои карточки, отметив предварительно на них тех, кого они выбирают, или тех, кого они исключают, согласно разъяснениям, помещенным в верхней части карточки. Проверка этих самых карточек будет осуществляться тотчас же, перед всем собранием, секретарем сейма с помощью двух других секретарей *ad actum*³¹, назначенных маршалом тут же из числа присутствующих нунциев. Благодаря такому способу дело оказалось бы простым и быстрым, и без споров и шума места в Сенате легко заполнились бы в течение одного заседания. Правда, потребовалась бы еще норма, определяющая состав соискателей; но это будет рассмотрено в своем месте и не будет забыто.

Осталось лишь сказать о короле, председательствующем на сейме и, в соответствии с занимаемой им должностью, являющемся высшим должностным лицом, применяющим законы.

Глава VIII

*О короле*³²

Великое зло, если глава нации является прирожденным врагом свободы, защитником которой он должен быть. Это зло, по моему разумению, не настолько присуще этой должности, чтобы его нельзя было отделить от нее или, по крайней мере, значительно умерить. Не бывает искушения без надежды. Сделайте захват власти невозможным для ваших королей, и у них не появится этой прихоти; они станут хорошо вами управлять и защищать вас всеми силами, которые они теперь прилагают, чтобы вас поработить. Основатели Польши, как заметил господин Виельгорский, позаботились отнять у королей средства причинять вред, но не средства совершать подкуп; и милости, раздатчиками которых они являются, открывают бесчисленные возможности для этого. Трудность заключается в том, что, лишая их возможности раздавать милости, мы, кажется, лишаем их всего. Именно этого и не стоит делать, поскольку в таком случае лучше уж вовсе не иметь короля. Мне представляется, однако, невозможным, чтобы в столь большом государстве, как Польша, смогли без него обойтись: это значило бы обходиться без высшего и пожизненного правителя. Но если только глава нации не является полным ничтожеством и, как следствие, бесполезным лицом, важно, чтобы он хоть на что-нибудь сгодился; и как бы мало он ни делал, это, безусловно, будет либо во благо, либо во зло.

Теперь весь Сенат назначается королем: это крайность. Если король совсем не участвует в этом назначении — это недостаток. Хотя пэры в Англии тоже назначаются королем, они менее зависят от него, поскольку пожалованное однажды пэрство становится наследственным, тогда как в Польше епископства, воеводства и кастелланства хотя и являются пожизненными, но после смерти каждого, кто носит это звание, в руках короля оказывается право назначения.

Я сказал, как мне кажется, каким образом следовало бы производить это назначение, то есть назначение воевод и пожизненных великих кастелланов — соответствующими сеймиками, а временных кастелланов — второго ранга сеймом. В отношении епископов мне представляется весьма трудным делом отобрать у короля право их назначения, разве что избирать их в капитулах: и я полагаю, что его

можно за ним оставить, за исключением права назначения в архиепископство Гнезненское, естественно, принадлежащее сейму, если только не захотят лишить этого архиепископа сана примаса, который он по праву носит³³. Что касается министров и, в особенности, главных генералов и великих казначеев, хотя их могущество, являющееся противовесом могуществу короля, и должно быть соответствующим образом уменьшено, мне кажется неосторожным оставить королю право заполнять эти должности своими ставленниками, и я хотел бы, чтобы его выбор ограничивался небольшим количеством подданных, представленных сеймом. Я согласен, что, не имея возможности снять с должностей, однажды на них назначив, он более не сможет полностью рассчитывать на тех, кто их занимает. Но назначение на эти должности дает ему достаточно власти над соискателями, и если не столько, сколько нужно для того, чтобы он смог изменить облик правления, то, во всяком случае, достаточно, чтобы сохранить у него на это надежду, а именно ее-то у него и следует отнять любой ценой.

Что касается великого канцлера³⁴, то он должен, как мне кажется, назначаться королем. Короли являются судьями своего народа по праву рождения; именно для этой должности, хотя они все о ней и позабыли, они были поставлены; их нельзя ее лишить; когда они не желают ее исполнять самостоятельно, то назначение их наместников в этой части управления является их правом, потому что именно они должны отвечать за приговоры, которые выносятся от имени короля. Правда, нация может добавить к ним заседателей и должна это сделать, когда короли не судят сами: ведь Королевский суд, где председательствует не сам король, а великий канцлер, находится под надзором нации; и именно по этой причине сеймики туда назначают остальных заседателей. Если король судит сам, я полагаю, что у него сохраняется право судить единолично. При любом раскладе его выгода заключалась бы в том, чтобы всегда быть справедливым; и никогда несправедливые приговоры не открыли бы путь к захвату власти.

В отношении же прочих званий, как придворных, так и воеводств, которые носят лишь почетный характер и придают более блеска, нежели влияния, то лучше всего предоставить королю полное распоряжение этим правом. Пусть у него будет возможность награждать почестями тех, кто их заслуживает, и потакать их тщеславию; но пусть он не имеет возможности даровать власть.

Великолепие создает величие престола; однако важно, чтобы определение необходимых для этого затрат как можно менее зависело от короля. Остается только желать, чтобы все королевские должностные лица состояли на жаловании республики, а не на жаловании у короля, и сообразно с этим сократили все королевские доходы, чтобы он, по возможности, как можно меньше касался государственных финансов.

Предлагали сделать корону наследственной. Но будьте уверены, что в тот момент, когда этот закон примут, Польше придется навсегда распрощаться со своей свободой. Думают, что для борьбы с этим злом достаточно ограничить королевскую власть, и при этом не замечают, что эти пределы, установленные законом, будут со временем нарушены благодаря постепенному присвоению власти и что усвоенные королевской семьей взгляды на власть, которых она неукоснительно придерживается, в дальнейшем возьмут верх над законодательством, по своей природе постоянно склонным к ослаблению. Если король не сможет подкупить вельмож с помощью милостей, то он всегда сможет это сделать с помощью обещаний, ручаться за исполнение которых станут его наследники; и поскольку планы, задуманные королевской семьей, будут и дальше осуществляться, то доверие к его обещаниям окажется выше, и станут больше рассчитывать на их исполнение, чем в том случае, когда выбранная корона устанавливает пределы осуществления планов монарха рамками его жизни. Польша свободна потому, что перед каждым царствованием есть промежуток времени, когда нация снова вступает в свои права и снова обретает мощь, пресекая рост злоупотреблений и захват власти; когда законодательство вновь получает силу и использует свой основной рычаг. Что же станется с *pacta conventa*, путеводной звездой Польши, когда какое-нибудь семейство, утвердившись на троне навечно и без перерывов, займет его и оставит нации между смертью отца и коронацией сына только лишь тень никчемной и ничем не обеспеченной свободы, которую вскоре уничтожит исполненная жеманства клятва, приносимая всеми королями при их помазании и тотчас же предаваемая забвению? У вас перед глазами примеры Дании, Англии и Швеции³⁵. Усвойте на этих примерах раз и навсегда, что сколько бы мер предосторожности ни изобретали, наследование трона и свобода нации всегда останутся двумя несовместимыми вещами.

Поляки неизменно стремились передавать корону по наследству от отца к сыну и далее к ближайшему родственнику, хотя и всегда на правах избрания. Эта склонность, если они будут продолжать ей следовать, приведет рано или поздно к несчастью, заключающемуся в наследовании короны; им не следует надеяться на то, что они так же долго смогут бороться против королевской власти, как члены Германской империи с властью императора, потому что в государственном устройстве Польши нет достаточных противовесов, способных удержать наследственного короля в повиновении закону. Несмотря на могущество многочисленных членов империи, не случись избрания Карла VII, императорские уступки превратились бы во всего всего-навсего сборник бессмысленных документов, каким он и был в начале этого века; и *pacta conventa* станут еще более бесполезными, когда в Польше у королевской семьи останется время на то, чтобы укрепить свое положение и подмять всех под себя³⁶. Мое мнение по этому вопросу, одним словом, таково, что избранный монарх с самой безграничной властью для Польши лучше, чем наследуемая корона с почти ничтожной властью.

Вместо этого рокового закона, который превратил бы корону в наследственную, я предложил бы нечто противоположное, что в случае одобрения укрепило бы свободу в Польше, а именно: следует ввести как основной закон, что корона никогда не будет переходить от отца к сыну и любого сына короля Польши навеки лишат возможности занимать престол. Я говорю, что предложил бы этот закон, если бы это потребовалось; но, имея в виду план, осуществление которого привело бы к тому же результату, я объяснюсь в надлежащем месте, полагая, что в результате его осуществления сыновья будут исключены из порядка наследования престола отцов, по крайней мере, непосредственно; я намерен показать, что хорошо обеспеченная свобода окажется единственным преимуществом, которое последует из подобного исключения. При этом возникнет еще одно крайне важное преимущество: отнять всякую надежду захватить престол и передать детям произвольную власть значит направить всю деятельность короля к славе и процветанию государства. Это — единственная дорога, открытая его честолюбию. Именно таким образом правитель нации пеестанет быть ее рожденным врагом, но первым из граждан; именно так он свершит великие дела, прославляющие его царствование, благодаря полезным учреждениям он будет дорог народу, уважаем соседями, кото-

рые по смерти благословят память о нем; именно так, лишенный возможности вредить и вводить в соблазн, а ее-то никогда не следует ему оставлять, он сочтет уместным увеличивать свое могущество всем тем, что может споспешествовать общему благу. У него не останется непосредственных и прямых возможностей действовать самостоятельно; однако же у него появится больше влияния, права надзора и проверки для того, чтобы удерживать каждого в рамках долга и руководить правительством, направляя его к истинной цели. Председательство в сейме, в Сенате и во всех организациях, строгая проверка поведения всех высокопоставленных лиц, постоянная забота о соблюдении правосудия и неподкупности во всех судах, сохранение порядка и спокойствия внутри государства, создание ему прочного положения вовне, командование армиями во время войны, полезные учреждения в мирное время — вот главное в служении государя, и это будет его занимать в достаточной мере, если он пожелает исполнять свои обязанности самостоятельно. Поскольку отдельные части управления доверят министрам, для сего назначенным, то сочтут преступлением короля Польши препоручение им своим любимцам тех из них, что возложены лично на него. Пусть он занимается своим ремеслом самостоятельно или отказывается от него: важный пункт, который нация не должна оставлять без внимания.

Именно на таких началах следует поддерживать равновесие и умеренность в действиях властей в области законодательства и управления. Объем этих властных полномочий, находящихся в руках тех, кому они вручены и, по возможности, наилучшим образом между ними распределены, должен прямо зависеть от их числа и находиться в обратной зависимости от времени их пребывания в должностях. Партиям, составляющим сейм, следует внимательно наблюдать за тем, чтобы соотношение было наилучшим. Палата нунциев, самая многочисленная, окажется также и самой могущественной; но все ее члены будут часто сменяться. Сенат, менее многочисленный, наделят меньшей долей законодательной власти, но большей долей власти исполнительной; и его члены, входя одновременно в состав этих двух различных организмов, станут избирать отчасти временно, отчасти пожизненно, как это и подобает на выборах промежуточного организма. Король, который их возглавляет, избран пожизненно; и его власть, все еще значительная в об-

ласти надзора, находится в пределах, установленных Палатой нунциев в том, что касается вопросов законодательства, и Сенатом в вопросах управления. Однако, чтобы упрочить равенство, то есть начало устройства государства, ничто не должно передаваться по наследству, кроме принадлежности к благородному сословию. Если корона наследуется, то для сохранения равновесия надлежит сделать наследственным и пэрство или сенаторский разряд, как в Англии. Но в этом случае всаднический разряд окажется приниженным и потеряет свою власть, а Палата нунциев, как и Палата общин в Англии, не получит права ежегодно открывать счет и подводить баланс государственной казны, и польское государственное устройство опрокинется вверх дном³⁷.

Глава IX

*Особые пригины анархии*³⁸

Сейм, соразмерный по своему составу, сохраняя внутреннее равновесие, станет источником хорошего законодательства и хорошего управления. Однако для этого необходимо, чтобы разряды пользовались уважением, а их права не нарушались. Пренебрежение к законам и анархия, с которыми Польша доселе уживалась, возникли по вполне понятным причинам. Я уже указывал ранее на главную из них; я также указал и на средство их исправить. Прочие сопутствующие причины суть следующие: 1. *Liberum veto* 2. Конфедерации и 3. Злоупотребление правом содержать военных у себя на службе, которым грешат частные лица.

Это последнее таково, что если мы не начнем с его устранения, то все остальные преобразования окажутся бесполезны. Если частные лица получают возможность оказывать сопротивление действиям исполнительной власти, то они вскоре сочтут, что и в самом деле имеют на это право; и если они начнут затевать между собой войны, то как же тогда сохранить мир в государстве? Я признаю, что крепости требуют охраны; но почему эти крепости крепки в противодействии гражданам и слабы в сопротивлении врагам? Я опасуюсь, как бы это преобразование не добавило трудностей; тем не менее, я не считаю их непреодолимыми; и если только могущественный гражданин станет разумным, то он без труда согласится не держать у себя на службе военных, когда ни у кого другого их не будет.

Я намереваюсь поговорить об этом после раздела о военных учреждениях; итак, я помещаю в другой раздел то, что я должен был бы сказать в этом.

Liberum veto не является правом, порочным самим по себе; но как только оно выходит за свои пределы, оно становится наиболее опасным из всех злоупотреблений. Оно служило порукой общественной свободы; теперь же оно — орудие угнетения. Чтобы устранить это пагубное злоупотребление, остается лишь полностью уничтожить его причину. Но человек скорее склонен дорожить личными и исключительными правами, чем общими и значительными преимуществами. Только проясненный опытом патриотизм мог бы научить приносить в жертву более великим благам полное блеска право, ставшее пагубным в силу злоупотребления им, а от него это злоупотребление отныне неотделимо. Все поляки должны живо ощутить те беды, которые их заставляют претерпевать это злополучное право. Если им по нраву порядок и мир, то у них нет иного способа установить у себя и тот, и другой, если они в дальнейшем сохранят это право, полезное при образовании политического организма или тогда, когда этот организм достиг полного совершенства, но бессмысленное и пагубное, если еще необходимо провести преобразования, особенно в столь крупном государстве, окруженном соседями могущественными и честолюбивыми.

Liberum veto стало бы менее неразумным правом, если бы оно касалось только основных вопросов государственного устройства; но то, что оно, как правило, применяется на любых прениях сейма, недопустимо ни при каких обстоятельствах; оно является очевидным пороком польского государственного устройства, поскольку при этом законодательство и государственное управление недостаточно различаются, и сейм, осуществляя законодательную власть, привносит в нее то, что относится к управлению, и без разбора принимает решения, не проводя грань между теми, что надлежит выносить суверенной власти, и теми, что выносит правительство, и даже часто принимает решения смешанного характера, в силу которых его члены одновременно действуют и как магистраты, и как законодатели.

Предложенные преобразования позволят лучше провести различие между этими двумя властями и тем самым лучше обозначить пределы *Liberum veto*. Ибо я не считаю, что кому-нибудь вообще может прийти в голову мысль распространить его на область чис-

того управления, что означало бы уничтожить гражданскую власть и правление в целом.

В силу естественного права обществ единогласие требуется при создании политического организма и основных законов, от которых зависит его существование: таковы, например, поправка первая, пятая, девятая и одиннадцатая, упомянутые на псевдосейме 1768 года. Однако единогласия, необходимого при принятии этих законов, следует также требовать и при их отмене. Вот случаи, при которых *Liberum veto* можно сохранить. И поскольку речи не идет о его полном уничтожении, поляки, без особого ропота сократившие объем этого права на незаконном сейме 1768 года, должны без каких-либо затруднений урезать и ограничить его на более свободном и правомочном сейме.

Следует хорошенько взвесить и обдумать главные статьи, которые вносят в основные законы; и только касательно их будет дозволено применить силу *Liberum veto*. Таким образом мы сделаем государственное устройство прочным, а эти законы насколько возможно нерушимыми. Навязывать себе те законы, что невозможно отменить, противно природе политического организма, однако то обстоятельство, что можно отменить эти законы столь же торжественно, как они были приняты, не противоречит ни природе, ни разуму. Вот оковы, которые этот организм получит в будущем. Их вполне достаточно, чтобы укрепить государственное устройство, потакая при этом любви поляков к *Liberum veto* и не подвергая себя в дальнейшем опасности злоупотреблений, им порожденных.

Что же касается множества статей, которые зачем-то отнесли к основным законам, составляющих просто свод законодательства, так же как и все те, что относят к ведению государства, то они в силу непостоянства вещей подвергаются необходимым изменениям, производя которые нет нужды требовать единогласия. Кроме того, в некоторых случаях нелепо, когда один член сейма может прекратить его деятельность и отставка или возражение одного или нескольких нунциев способны привести к роспуску собрания, и таким образом суверенная власть будет уничтожена. Следует отменить это варварское право и выносить смертные приговоры всякому, кто осмелится им кичиться. В случае несогласия с решениями сейма, чего не может быть, пока он свободен и собирается в полном составе, правом возражать следует наделить воеводства и сеймики, а не

нунциев, которые в качестве членов сейма не вправе оказывать на него ни малейшего влияния или отказываться признавать его решения.

Между *veto*, являющимся наивысшей силой, которой наделено лицо в качестве члена суверенной власти и которую следует применять только в отношении законов поистине основных, и большинством голосов, менее необходимым, когда оно относится к вопросам простого управления, существуют различные законодательные предложения, и при голосовании по ним можно определить надлежащее большинство голосов в зависимости от значимости вопросов. Например, допустимо требовать минимум трех четвертей голосов, когда речь идет о законодательной власти, двух третей — в вопросах, касающихся государственной жизни, простого большинства — на выборах и в решении прочих текущих и насущных вопросов. Это всего лишь пример для объяснения моей мысли, но не указанное мною соотношение.

В таком государстве, как Польша, где души все еще обладают значительной внутренней силой, возможно сохранить в неприкосновенности и без особых опасений закон *Liberum veto*, и, может быть, даже с некоторой выгодой, при условии что пользование им станет опасным, а для тех, кто вздумал бы им кичиться, возникли серьезные последствия. Поскольку, смею сказать, очень уж странно ведет себя тот, кто прерывает таким способом деятельность сейма и оставляет государство в растерянности, а потом уходит, чтобы спокойно и безнаказанно радоваться у себя дома унынию общества, в которое он его поверг.

Следовательно, если в почти единогласном решении одно-единственное лицо, выразившее несогласие, сохраняет право это решение отменить, то я желал бы, чтобы он ответил головой за это противодействие не только перед своими выборщиками во время сеймика, следующего за выборами, но и перед всей нацией, ведь именно ей он причинил такое несчастье. Я желал бы, чтобы по закону его торжественно предали суду спустя шесть месяцев после применения вето на внеочередном заседании суда, созванного особо для этого случая и состоящего из самых мудрых, самых известных, самых уважаемых представителей нации, который не мог бы его оправдать, но был бы обязан осудить его на смерть без права помилования или присудить ему награду и публичные почести на всю

оставшуюся жизнь, при этом не имея права принять какое-либо среднее решение.

Учреждения подобного рода, столь сильно способные внушить стойкую храбрость и любовь к свободе, слишком не похожи на нынешние представления, чтобы кто-нибудь мог сегодня питать надежду на то, что их одобряют или они придутся по вкусу. Но древним они были известны, и именно благодаря им учредители их республик смогли возвысить души и при необходимости пробудить в них пыл поистине героический. Мы видели в республике, в которой царили еще более жесткие законы, щедрых душой граждан, в момент опасности для отчизны обрекавших себя на смерть, подавая мнение, которое могло бы ее спасти. Вето, примененное при подобной опасности, может при случае спасти государство, и не следует бояться его сохранить.

Посмею ли я здесь вести речь о конфедерациях и не согласиться с мнением ученых мужей? Они усматривают только зло, причиняемое конфедерациями; следовало бы также принять во внимание то зло, от которого они ограждают. Вне всякого сомнения, конфедерация — это отчаянное положение в республике; но существуют страшные болезни, требующие отчаянных способов лечения; от них нужно постараться вылечить любой ценой. Конфедерация в Польше — все равно что диктатура у римлян: при неминуемой опасности в обоих случаях заставляют умолкнуть голос закона, но с той только разницей, что диктатура, прямо противоречащая римскому законодательству и духу правления, привела в конце концов Рим к гибели, а конфедерация, наоборот, будучи всего лишь средством укрепить и восстановить расшатанное значительными усилиями государственное устройство, способствовала усилению ослабленного рычага государства, при этом его не сломав. Этот федеративный строй, который, возможно, имел случайное происхождение, кажется мне образцом в политике. Повсюду, где царит свобода, она беспрестанно находится под угрозой, и часто под угрозой гибели. В любом свободном государстве, где не предвидят великие смуты, всякая угроза таит в себе опасность его гибели. И только поляки смогли отыскать во времена этих смут новое средство упрочить государственный строй. Без конфедераций Польская республика давно бы перестала существовать; и я сильно опасаюсь, что она долго просуществует, если их вздумают упразднить. Посмотрите на то, что недавно произошло. Без конфедерации государство поработили бы,

а свободу уничтожили бы навсегда. Желаете ли вы отнять у республики средство, которое ее только что спасло?

И пусть не думают, что когда *Liberum veto* будет отменено и голосование большинством голосов будет восстановлено, конфедерации станут бесполезными, как будто вся польза от них состояла в этом голосовании. Это разные вещи. Исполнительная власть, принадлежащая конфедерациям, сообщит им в случае крайней необходимости силу, способность действовать, торжественность, которых нет у сейма, вынужденного идти более медленными шажками, придерживаясь большого количества условностей, не способного сделать ни одного не предусмотренного правилами шага, при этом не опасаясь краха государственного устройства.

Нет, конфедерации служат щитом, убежищем, алтарем этого государственного устройства. Пока они существуют, как мне представляется, государство не может разрушиться. Следует оставить их как есть, но подчинить нормам. Если искоренить все злоупотребления, то конфедерации станут почти что бесполезными. Преобразование вашего правления должно произвести этот результат. Более не будет отчаянных посягательств на государство и, следовательно, необходимости прибегать к конфедерациям; но эти посягательства — обычное дело, и их следует предвидеть. Вместо того чтобы упразднить конфедерации, определите случаи, когда по закону они должны иметь место, а затем четко установите порядок их созыва и назначение, придав им, насколько это возможно, законную силу и не создавая помех для их образования и деятельности. Существует немало случаев, когда из-за одного-единственного события вся Польша должна в одночасье стать конфедерацией, например, в тот момент, когда под каким бы то ни было предлогом, открыто не объявляя войны, иностранные отряды вступают в пределы государства. В конце концов, каков бы ни был повод для вторжения, и даже если оно произошло с согласия правительства, конфедерация внутри страны не есть враждебное действие по отношению к иностранному государству. Когда в силу какого бы то ни было препятствия сейму помешают собраться в сроки, указанные в законе, или когда при подстрекательстве с чьей-либо стороны военные появятся в месте и во время проведения собрания, или же его порядок изменят, его деятельность приостановят, или же его свобода будет стеснена каким-либо образом, — во всех этих случаях общая конфедерация должна возникнуть в силу одного этого события, и все

собрания, особые суды должны стать лишь ее ответвлениями, а все маршалы подчиниться тому маршалу, которого назначат на эту должность в первую очередь.

Глава X

Управление

Не вдаваясь в тонкости управления, знаний о которых и общего видения мне в равной степени не хватает, я отважусь высказаться только по двум вопросам: финансы и война, поскольку я считаю мои мысли хорошими, хотя я почти уверен, что они придутся не по вкусу. Но прежде всего я сделаю одно замечание относительно осуществления правосудия, замечание, по сути не столь чуждое духу правления в Польше.

Оба сословия, сословия шпаги и мантии, были неизвестны в древности. Граждане не знали ремесла солдата, судьи или священника, но были таковыми по зову долга. Вот подлинная тайна того, как сделать так, чтобы все двигалось в направлении общей цели, и не позволить сословному духу укорениться в организациях государства в ущерб любви к отечеству, и чтобы гидра самоуправства не поглотила нацию. Деятельность судьи как в высших трибуналах, так и в земских судах должна стать переходным испытанием, по результатам которого нация сможет оценить заслуги и порядочность гражданина, дабы затем поставить его на более значительные должности, если его сочтут к ним пригодным. Подобное мнение о самих себе способно сделать судей более внимательными в том, чтобы не вызывать нареканий и вообще проявлять всяческую осмотрительность и быть неподкупными, как того требует их должность. Именно таким образом в лучшие времена истории Рима следовало пройти через претуру, дабы затем получить консульство. Вот средство, как с помощью немногих простых и ясных законов даже при небольшом количестве судей можно осуществлять правосудие, оставляя за ними право толкования и, по мере необходимости, дополнения к законам благодаря дарованным природой представлениям о прямоте и здравом смысле. Нет ничего более ребяческого, нежели меры предосторожности, предпринимаемые англичанами в этом отношении. Вместо того чтобы устранить произвольные приговоры, они оказались в плену тысяч несправедливых и даже несураз-

ных приговоров. Толпы законников их изводят, бесконечные процессы поглощают их время, и под влиянием безумной мысли все предусмотреть они превратили свои законы в огромный лабиринт, в котором память и разум одинаково путаются.

Необходимо создать три свода законов: первый — политический, второй — гражданский и третий — уголовный; все три свода четкие, краткие и точные, насколько это возможно³⁹. Эти своды будут преподавать во всех колледжах, а не только в университетах, и не потребуются иного свода права. Все нормы естественного права лучше запечатлены в сердцах людей, нежели в грудах Юстинианова хлама. Достаточно сделать людей честными и добродетельными, и я вам ручаюсь, что они достаточно узнают право. Но необходимо всех граждан, в особенности общественных деятелей, обучить положительным законам своей страны и частным нормам, в соответствии с которыми ею управляют. Они найдут их в этих самых сводах, а их надлежит изучать также и всем благородным; прежде чем их имена впишут в золотую книгу, открывающую им доступ в сеймик, им следует выдержать экзамен на знание этих сводов, особенно первого, причем этот экзамен не должен стать простой условностью; и если окажется, что они недостаточно обучены, то их отправят учить до тех пор, пока не выучат. Что же до римского права и обычаев, то все это, если оно существует, надлежит изъять из школ и судов. Не пристало подчиняться иной власти, кроме законов государства; последние должны быть единообразными во всех провинциях, дабы исчерпать поводы для судебных разбирательств; и вопросы, которые не будут решены в своде, следует решать с точки зрения здравого смысла и благодаря неподкупности судей. Учтите, что когда должности магистратов станут для тех, кто их отправляет, всего лишь испытательным сроком, чтобы подняться выше, они не допустят злоупотребления этой властью, чего, однако, следует опасаться; или же, если это злоупотребление и случится, то оно окажется меньшим, нежели то, которое существует в огромном количестве законов, часто противоречащих друг другу, чье количество превращает судебные разбирательства в бесконечные, а несоответствия между законами превращают приговоры в одинаково произвольные.

То, что я говорю здесь о судьях, нужно в еще большей мере отнести к адвокатам. Это столь уважаемое сословие уронило свое достоинство и унизило себя, как только стало профессией. Адвокат

должен быть первым судьей своего клиента, и судьей самым суровым; его должность должна стать, как это было в Риме и как это существует до сих пор в Женеве, первым шагом к достижению магистратуры; адвокатов в самом деле уважают в Женеве, и они заслуживают того. Их выдвигают на должности представителей в Совете, и они старательно избегают поступков, способных вызвать неодобрение общества. Я желал бы, чтобы все назначения на общественные должности происходили в определенной последовательности, с тем чтобы никому не удавалось превратить свою должность в доходное ремесло и никто не считал свое мнение выше мнения окружающих людей. Это средство вполне соответствовало бы пожеланию заставить детей очень богатых граждан пройти через временное и почетное звание адвоката. Я постараюсь развить эту мысль через какое-то время.

Здесь я должен заметить мимоходом, поскольку это пришло мне на ум, что введение сонаследования и майоратов⁴⁰ противоречит строю, при котором существует равенство во всадническом разряде. Надо, чтобы законодательство было направлено на уменьшение неравенства имуществ и неравенства во власти, слишком отдаляющие сеньоров от простых благородных, а и то, и другое естественное развитие общества постоянно усугубляет. В отношении же ценза, определяющего количество земель во владении благородного, позволяющее ему участвовать в сеймике, усматривая в этом как благо, так и зло и, будучи недостаточно знаком со страной, чтобы иметь возможность сравнивать его влияние, я не осмеливаюсь полностью решить этот вопрос. Без сомнения, было бы желательно, если бы гражданин, имеющий голос в воеводстве, владел там какими-нибудь землями. Но мне не хотелось бы, чтобы их количество определял закон. Считая имущество вещью важной, позволительно ли вполне пренебрегать людьми? Как же так? Из-за того, что у дворянина или много, или мало земли, он перестанет быть свободным и благородным? И является ли самая его бедность преступлением столь значительным, что у него отнимают права гражданина?

Наконец, ни в коем случае не стоит допускать, чтобы какой-либо закон оказался в забвении. Неважно, плох он или хорош, его безусловно следует либо отменить, либо сохранить в силе. Это правило, которое является основополагающим, обязет пересмотреть все древние законы, многие из них отменить и с предельной строгостью установить наказание за нарушение тех, что мы хотим оставить

в силе. Во Франции считают правилом в государстве закрывать глаза на многие вещи; именно к этому всегда склоняет деспотизм. Но при свободном правлении это становится средством ослабить законодательство и расшатать государственный строй. Необходимо небольшое количество законов, но хорошо усвоенных и, главное, правильно соблюдаемых. Все пока еще не запрещенные злоупотребления продолжают оставаться безнаказанными. Но кто провозглашает закон в свободном государстве, говорит такую вещь, которая заставляет всякого гражданина трепетать, и в первую голову короля. Одним словом, терпеливо относитесь ко всему, кроме износа рычага законов; поскольку, когда он изношен, государство погибает безвозвратно.

Глава XI

*Экономическое устройство*⁴¹

Экономическое устройство, которое следует создать в Польше, зависит от цели, поставленной ею перед собой, исправляя государственное устройство. Если вы желаете лишь стать шумными, блестящими, внушающими страх и оказывающими влияние на другие народы Европы, следуйте примеру, находящемуся у вас перед глазами. Можете научиться ему подражать. Развивайте науки, искусства, торговлю, ремесла, у вас будут постоянные войска, укрепления, академии и в особенности хорошее устройство финансов, обеспечивающее надежный денежный оборот, который умножит количество денег и доставит их великое множество. Потрудитесь сделать это устройство совершенно необходимым, дабы держать народ в полном повиновении, и ради этого возбуждайте в людях страсть и к материальной роскоши, и к роскоши духовной, поскольку первая неотделима от второй. Таким способом вы создадите народ, склонный к проискам, пылкий, жадный, самолюбивый, раболепный, подобный другим народам, коим вообще неизвестна середина между крайностями нищеты и изобилия, распущенностью и рабством; но вас будут считать в числе великих держав Европы, вы войдете в состав всех политических образований, на любых переговорах станут искать в вас союзника и вас свяжут договорами; не возникнет ни одной войны в Европе, в которую вы не будете иметь чести впутаться, и если счастье вам улыбнется, то вы можете вернуть ваши старинные владения, а может статься, завоевать и но-

вые, а потом сказать вслед за царем Пирром или теми же русскими, то есть как дети: «Когда весь мир станет мне принадлежать, уж сакхарку-то я поем».

Но если вам вдруг более по душе создать нацию свободную, миролюбивую, мудрую, которая не боится никого и ни в ком не нуждается, в достаточной мере самостоятельную и потому счастливую, в этом случае нужно использовать совсем иной подход, укрепляя и восстанавливая нравы простые, вкусы здоровые, дух воинственный, лишенный честолюбия, придавая душам облик смелый и бескорыстный; приучите ваш народ заниматься сельским хозяйством и ремеслами, необходимыми для жизни, внушая презрение к деньгам, а по возможности и делая их бесполезными; ищите и находите, дабы совершить великие деяния, рычаги более мощные и более надежные. Не стану возражать, что, следуя этим путем, вы не наполните газеты шумом ваших празднеств, переговоров, подвигов, философы не станут курить вам фимиам, а поэты вас воспевать, да и в Европе говорить о вас будут мало, а может быть, выкажут и пренебрежение, но при этом вы будете жить в истинном достатке под покровом правосудия и свободы; с вами не станут искать ссоры, но, не подавая вида, вас станут бояться; и я уверяю вас, что русские не придут к вам как хозяева, а если, к несчастью для них, они к вам явятся, то поторопятся поскорее уйти. Однако ж не пытайтесь соединить эти два плана в один, они слишком противоречат друг другу, и стремиться идти к их осуществлению замысловатым путем означает не достигнуть результата в осуществлении ни того, ни другого. Так выбирайте же! Если вы считаете предпочтительным первый план, прямо здесь перестаньте читать мое сочинение, ибо из того, что я думаю вам предложить, все относится исключительно ко второму из них.

Бесспорно, в бумагах, которые мне передали, содержатся великолепные экономические взгляды. Их недостаток в том, что их автор более благожелательно смотрит на богатство, чем на процветание. Новые учреждения, предлагаемые мной, не удовлетворят того, кто захочет получить немедленный результат. К тому же следует предвидеть отдаленные, но неизбежные последствия создания этих учреждений. К примеру, план продажи старостатов и употребление дохода от нее мне кажется продуманным, легко осуществимым при том устройстве, которое заведено во всей Европе, где все делают при помощи денег; но хорошее ли и целесообразное ли это устройство

само по себе? Доподлинно ли деньги являются нервом войны? Богатые народы всегда терпели поражения, и их завоевывали народы бедные. Доподлинно ли деньги есть рычаг в руках доброго правления? Экономическое устройство, основанное на денежном обращении, возникло недавно. Из этого не последовало ничего хорошего, ничего великого. Правительства древних не знали даже слова «финансы», но казалось невероятным то, что они сумели сделать с помощью людей. Деньги — всего лишь дополнение к людям, а дополнение не равноценно вещи. Поляки, по моему мнению, лучше предоставьте пользование деньгами другим народам или же довольствуйтесь теми, что они неизбежно вам отдадут, ибо они в большей степени нуждаются в вашем зерне, чем вы в их золоте. Поверьте мне, лучше жить в достатке, чем в изобилии, лучше станьте богатыми, а не людьми с деньгами в руках. Обрабатывайте хорошенько ваши поля, не заботясь более ни о чем, и вскоре вы пожнете злата больше, чем нужно, и сможете приобрести масло и вино, которых вам не хватает, поскольку, за исключением разве что этого, Польша в достатке обладает или в состоянии обладать всем остальным. Для того чтобы сохранить счастье и свободу, вам нужны головы, сердца, руки. Все это составляет силу государства и процветание народа. Финансовый строй создает души продажные, и с того момента как люди жаждут наживы, они всегда выигрывают более в том, что становятся плутами, чем достойными людьми. Когда используют деньги, они теряются из вида и не доходят до своего назначения, предназначаются для одного, а используются для другого. Те, кто имеет доступ к деньгам, вскоре начинают их умыкать, и кем же становятся те, кого приставили за этим следить, если не плутами, которых посылают делить украденное? Если бы существовали только общественные, зримые богатства, если бы потоки золота оставляли явные следы и их нельзя было скрыть, то не существовало бы более удобного способа покупать услуги, храбрость, верность и добродетели. Но, принимая во внимание скрытый характер обращения, с его помощью гораздо удобнее создавать грабителей и предателей, распродавать общественное благосостояние и свободу. Словом, деньги — одинаково слабый и бесполезный рычаг правления из всех тех, что мне известны, позволяющий направить действие политического механизма к известной цели, и вместе с тем наиболее надежный и самый сильный рычаг, могущий сбить его с пути.

Людей можно заставить действовать, только внушив выгоду, мне это известно; но денежная выгода — худшая из всех, самая низменная, более всего способствующая подкупу и даже, я с полной уверенностью это повторяю и всегда буду утверждать, является выгодой ничтожной и самой слабой в глазах того, кому знакомо человеческое сердце. Естественно, в запасниках сердца скрываются могучие страсти, но когда в сердцах не остается ничего, кроме страсти к деньгам, это означает, что ослаблены, задушены все остальные, которые следовало бы возбуждать и развивать. Богатого одолевает вовсе не пристрастие в подлинном смысле этого слова: он жаждет денег, лишь предвидя выгоду, способную удовлетворить те пристрастия, которые могли бы у него возникнуть. Попробуйте разжечь и удовлетворить эти страсти непосредственно, не прибегая к этому средству, и вскоре эта страсть к деньгам потеряет в его глазах свою цену.

Государственные расходы неизбежны, я вполне с этим согласен. Сделайте так, чтобы они производились иначе, чем в деньгах. Еще и в наше время можно встретить в Швейцарии должностных лиц, магистратов и иных наемных служащих, которым платят из общественных запасов. Они получают десятину, вино, дрова, права на сервитуты и вознаграждения. Вся государственная служба осуществляется в виде своего рода общественных работ, и государство ничего не оплачивает деньгами. Скажут, что деньги нужны для оплаты войск. Об этом поговорим через некоторое время. Этот способ оплаты натурой не лишен недостатков: имеют место потери, растраты; управление такого рода имуществом — самое затруднительное, ибо оно претит прежде всего тем, кому оно вверено: они находят при этом меньше всего возможностей наполнить свой карман. Все это правда, но это зло очень незначительно в сравнении с массой бед, от которых оно избавляет. Какой-нибудь человек захочет что-то прибрать к рукам, но он не может это сделать, во всяком случае, незаметно. В качестве возражения приведут пример байли кантона Берна⁴². Но откуда происходят обиды, которые они причиняют? От налагаемых ими денежных штрафов. И эти произвольные штрафы — великое зло само по себе. А между тем, если бы они могли требовать их выплаты только продуктами питания, то оно было бы почти совсем не обременительным. Деньги, которые они выжидают, легко скрыть, а вот провиантские склады так просто не скроешь. В одном только Бернском кантоне в обороте в десять раз больше денег, чем во всей остальной Швейцарии, а управление этими

деньгами соответственно столь же несправедливо. Присмотритесь к злу с точки зрения морали и политики в любой стране, при любом роде правления, да по всей земле, и вы не найдете такого, где не были бы замешаны деньги.

Мне возразят, что благодаря имущественному равенству в Швейцарии бережливость в управлении становится нетрудным делом, тогда как столько могущественных домов и крупных сеньоров, которые живут в Польше, требуют для своего содержания огромных расходов и средств, для того необходимых. Вовсе нет. Эти богатые сеньоры богаты благодаря наследственному землевладению, и их расходы станут значительно меньше, когда роскошь перестанет быть у государства в почете, а эти расходы, соответственно, станут в меньшей степени отличаться от расходов мелких землевладельцев. Оплачивайте их службу с помощью влияния, почестей и высоких должностей. Неравенство по положению в Польше уравнивается преимуществами, связанными с принадлежностью к аристократии, вследствие чего те, кто занимает высокое положение, скорее дорожат почестями, чем наживой. Республика, распределяя определенным образом лишь почетные награды и уместно раздавая их, прибережет себе сокровище, которое ее не разорит, и тогда на смену гражданам придут герои. Это сокровище, состоящее из почестей, — неисчерпаемый клад у народа, обладающего честью, и дай-то Бог, чтобы Польша могла надеяться когда-нибудь его исчерпать. О, счастливейшая нация та, что не найдет иных отличий, чтобы вознаградить добродетель!

С тем недостатком, что денежные награды недостойны добродетели, они соединяют еще и недостаток публичности, не являются красноречивыми в глазах и сердцах людей; они исчезают, едва их только пожаловали, не оставляя никакого видимого следа, а потому не способны поощрить дух состязательности, увековечивая почести, от него неотделимые. Я хотел бы, чтобы все разряды, назначения, почетные награды обладали отличительными знаками, и чтобы никогда не было дозволено человеку, занимающему должность, появляться неузнаваемым, а знаки, отличающие его положение или достоинство, он носил повсюду, дабы народ всегда выказывал ему уважение, а он, в свою очередь, уважал себя. Чтобы он при этом сумел пересилить соблазн роскоши, и богача, который всего-навсего богач, всегда затмевали граждане бедные, но титулованные, и чтобы этот богач не пользовался уважением и почетом на родине и вы-

нужден был ей служить, получив возможность блистать, стать неподкупным из честолюбия и вопреки своему богатству, стремясь занять то положение, к достижению которого ведет только одобрение общества и которое можно потерять только по причине осуждения с его стороны. Вот каким образом можно извести силу богатства, и вот каким образом получится создать людей неподкупных. Я весьма настаиваю на этом, убежденный, что ваши соседи, в особенности русские, не пощадят средств для подкупа людей, занимающих высшие должности, и потому величайшая задача вашего правительства состоит в том, чтобы сделать их неподкупными.

А если мне возразят, что я хочу превратить польский народ в народ капуцинов, то я на это отвечу, что это аргумент на французский лад, и шутить — не значит размышлять. Отвечу также, что не следует считать мои взгляды преувеличением, искажая мои намерения и доводы; моя цель заключается не в уничтожении денег, а в том, чтобы замедлить их обращение и, в частности, доказать, насколько важно создать хорошее экономическое устройство, основанное не только на финансах и монете. Ликург, стремясь искоренить жадность в Спарте, не уничтожил деньги, но ввел железные. Что касается меня, я и не думаю запретить деньги и золото, но желал бы сделать их менее необходимыми с тем, чтобы те, у кого их нет, хоть и были бедны, но не стали бы оборванцами. В сущности, деньги — не богатство, а лишь признак богатства. Не эти признаки нужно умножать, но те вещи, которые они выражают. Я заметил, вопреки всем рассказам путешественников, что англичане, купающиеся в золоте, в отдельных случаях нуждаются не менее других народов. И, в конце концов, важно ли то, есть у меня сто гиней или десять, если эти сто гиней не сделают хлеб насущный более доступным? Денежное богатство всегда относительно и зависит от обстоятельств, которые могут меняться под влиянием тысяч причин, и можно оказаться сначала богатым, а потом бедным с одной и той же суммой денег. Но такое невозможно в том случае, если имущество выражено в натуре, ибо, будучи непосредственно полезным для человека, оно обладает безусловной ценностью, отнюдь не зависящей от торговых сделок. Я вполне согласен, что английский народ богаче других народов, но из этого не следует, что горожанин в Лондоне живет в большем довольстве, чем горожанин Парижа. Сравнивая различные народы, можно сказать, что тот, у кого боль-

ше денег, имеет преимущество, но это не касается участи отдельных лиц. Не на этом покоится процветание нации.

Поощряйте развитие сельского хозяйства, полезных ремесел, но не путем обогащения крестьян, ибо это лишь побудило бы их покинуть свое сословие, но превратив его в почетное и приятное занятие. Заведите мануфактуры, производящие продукты первой необходимости, увеличивайте количество зерна и людей, более не заботясь ни о чем другом. Прибыль от произведенного продукта с ваших земель, которого из-за множества монопольных прав будет недоставать остальной Европе, неизбежно доставит вам больше денег, чем нужно. Во всем, что не связано с этим необходимым и надежным продуктом, вы будете бедны до тех пор, пока остается стремление к денежной прибыли; но как только вы сумеете обходиться без нее, вы разбогатеете. Вот тот дух, который я хотел бы водворить в вашем экономическом устройстве. Следует меньше обращать внимание на иностранцев, не заботясь о торговле, но увеличивая у вас, насколько возможно, натуральные запасы и численность потребителей. Естественный и неизбежный результат правления свободного и справедливого — это рост народонаселения. И чем более вы будете совершенствовать ваше правление, тем больше вы увеличите народонаселение, даже не задумываясь об этом. Итак, у вас не станет ни нищих, ни миллионеров, роскошь и нищета незаметно исчезнут сами собой, и граждане, исцеленные от вкусов легкомысленных, которые прививает изобилие, и от пороков, связанных с нищетой, приложат все старания и увидят в том славу, когда будут служить своей родине и обретут счастье, исполняя свой долг⁴³.

Я хотел бы, чтобы преимущественно облагали налогом руки людей, а не их кошельки, чтобы строительство дорог, мостов, общественных зданий, служба государю и государству осуществлялись в виде общественных работ, но не за денежное вознаграждение. Этот вид налогообложения, в сущности, требует наименьшего количества расходов, и уж тем более он оставляет меньше всего возможностей для злоупотреблений: ибо деньги исчезают, покидая руки тех, кто платит, но всякий видит, для чего используются люди, и не удастся взвалить на них ношу просто так. Я сознаю, что этот вид налогообложения неосуществим там, где царят роскошь, торговля, ремесла, но ничто не может быть более легким, чем его введение у народа простого, с добрыми нравами, и ничто не может

быть полезнее для сохранения этих нравов таковыми. Это еще один довод предпочесть данный вид налогообложения.

Теперь я возвращаюсь к вопросу о старостатах. Я опять же согласен, что план их продажи ради пополнения государственной казны очень хорош и продуман в отношении экономическом, но в отношении политики и морали он мне столь мало по вкусу, что я желал бы, если старостаты уже проданы, чтобы их снова выкупили и создали таким образом запас для оплаты работы и вознаграждения тех, кто оказал услуги родине. Одним словом, я хотел бы, если возможно, чтобы вообще не было государственной казны и сбор государственных налогов не взимался денежными платежами. Я понимаю, что в строгом смысле это невозможно, но дух правления всегда должен стремиться сделать это возможным, и ничто так не противоречит этому духу, как продажа, о которой идет речь. Правда, республика от этого стала бы богаче, но рычаги правления соответствующим образом оказались бы ослаблены.

Признаюсь, что управление общественной вотчиной стало бы при этом более затруднительным и, в частности, оказалось бы менее по нраву управляющим ею, то есть, когда все это имущество оставалось бы натуральным, а не денежным: но нужно сделать так, чтобы управление и надзор за ним стали испытанием здравого смысла, бдительности, неподкупности, выдержав которое, лица достигли бы самых высоких должностей. Это было бы ничем иным, как подражанием муниципальному управлению, введенному в Лионе⁴⁴, где начинать службу нужно с должности управителя ратуши, дабы получить доступ к городским должностям, и по тому, как исполнялась должность тем или иным лицом в ратуше, судят о том, достойно ли оно занимать другие должности. Не было никого неподкупнее квесторов в римских армиях, потому что квестура была первым шагом на пути к курульным должностям. На тех должностях, что могут стать соблазном для жадности, нужно сделать так, чтобы честолюбие ее подавляло. Величайшее благо, которое из этого последует — не накопления, полученные благодаря плутовству, но достойное почтения бескорыстие, а бедность станут уважать, особенно когда она — плод честности.

Доходы республики не сравнимы с ее расходами, я в этом не сомневаюсь, при этом граждане не хотят ничего платить. Но люди, желающие быть свободными, не должны быть рабами своего кошелька, да и сыскать ли государство, где свобода не стоила бы до-

рого, и даже весьма дорого? Мне приведут в пример Швейцарию, но, как я уже говорил, в Швейцарии граждане сами исполняют обязанности, за которые в других местах гражданам больше по нраву платить тем, кто их исполняет вместо них. Швейцарцы — солдаты, офицеры, выборные должностные лица, рабочие — постоянно состоят на службе у государства и всегда готовы оплатить ее личным трудом, и им не нужно сверх того платить из собственного кошелька. Если поляки пожелают поступать так же, они не в большей мере, чем швейцарцы, будут нуждаться в деньгах; но если столь большому государству неуютно поступать в соответствии с правилами, пригодными для малых республик, то не пристало стремиться извлечь пользу из их применения; ему не стоит хотеть получить результат, пренебрегая средствами его достижения. Если бы Польша стала, как я того желаю, содружеством тридцати трех малых государств, она соединила бы в себе силу крупных монархий со свободой малых республик. Но для этого Польше следует отказаться от показного величия, а я опасаясь, что в этом пункте она окажется несговорчивой.

Из всех способов введения налога самый удобный и требующий наименьших расходов — бесспорно, поголовное налогообложение; но, вместе с тем, это налог наиболее принудительный, произвольно устанавливаемый, и именно поэтому Монтескье полагал, что он является рабским, хотя это был единственный способ обложения, который использовали римляне, и он продолжает существовать и в настоящее время во многих республиках, но под другим названием. По правде сказать, в Женеве, где его называют «оплатой стражей», только граждане и горожане платят этот налог, тогда как жители и уроженцы Женевы платят другие налоги, и это прямо противоречит мысли Монтескье⁴⁵.

Но, поскольку несправедливо и неразумно облагать налогом людей, ничем не владеющих, вещный налог всегда предпочтительнее личных налогов. Только следует избегать установления таких налогов, сбор которых затруднителен и дорогостоящ, и в особенности тех, от уплаты которых уклоняются, занимаясь контрабандой, вследствие чего возникают недоимки, а страну наполняют мошенники и разбойники; словом, сбор этих налогов развращает верных граждан. Необходимо, чтобы налогообложение было настолько правильным и соразмерным, что неудобства от мошенничества оказывались бы значительно меньше. Таким образом, не нужно

никаких налогов на то, что легче всего скрыть: например, на кружева, драгоценности. Лучше уж запретить их носить, чем запрещать их ввоз. Во Франции словно нарочно побуждают заниматься контрабандой, и это внушает мне мысль, что откуп находит, чем поживиться от нее. Это — омерзительный строй, противоречащий здравому смыслу. Опыт учит, что сбор на гербовую бумагу — это налог, особенно разорительный для бедных, стеснительный для торговли, умножающий в огромной степени самоуправство, заставляющий народ поднимать крик возмущения повсюду, где он установлен, и я бы не советовал думать о его введении. А вот налог на поголовье скота мне кажется наилучшим, лишь бы при этом удалось избежать мошенничества, ибо всякий повод к мошенничеству во все времена являлся источником бедствий. Этот налог может быть разорительным для налогоплательщиков в случае, если его надлежит платить деньгами, ведь собранное подобным образом с налогоплательщиков по большей части тратится не по назначению.

На мой взгляд, наилучший налог, наиболее естественный и не дающий повода к мошенничеству, — это соразмерное обложение земель, причем всех без изъятия, как это предлагали сделать маршал Вобан и аббат де Сен Пьер⁴⁶. Ибо, в конце концов, именно тот, кто производит, и должен платить. Со всего имущества: королевского, светского, церковного, непривилегированного — должно в одинаковой мере взимать этот налог, то есть сообразно размерам этого имущества, его доходности, кто бы ни был его собственником. Казалось бы, подобное налогообложение предполагает предварительный шаг, который потребовал бы много времени и средств, а именно составление общего кадастра. Но этих расходов можно легко избежать, и даже с выгодой, если ввести налоги не непосредственно на землю, а на ее продукты, что еще более справедливо; то есть, его установили бы в размерах, которые сочли бы подходящими, в виде десятины, взимаемой натурой с урожая, подобно церковной десятине. И для того чтобы избежать мелких затруднений, хранения на складах, следует сдавать эту десятину в аренду на торгах, как это делают сельские кюре, таким образом, что частные лица будут платить десятину только со сбора урожая из своего кошелька только в случае, если они сами предпочтут такой платеж, и в размерах, установленных правительством. Эти откупы, вместе взятые, могут быть предметом торговли, когда продукты питания, полученные от них, станут вывозиться за рубеж через Данциг или Ригу.

А еще при этом удастся избежать расходов на сбор налогов, на его обслуживание, на всю эту тьму приказчиков, служащих, столь отвратительных народу, столь неприятных для общества, и, что особенно важно, республика получала бы деньги, а граждане при этом не были бы обязаны их отдавать; ибо я не устану повторять: талью и все иные налоги делает разорительными для крестьянина то, что их собирают деньгами, и крестьянин сначала обязан продать продукт, и только потом ему удастся заплатить этот налог⁴⁷.

Глава XII

*Военное устройство*⁴⁸

Из всех расходов республики наиболее значительными являются расходы на содержание коронной армии. Нет сомнений, что услуги, которые оказывает эта армия, не соразмерны тому, во что обходится ее содержание. А между тем (об этом мы вскоре поговорим) войска нужны для охраны государства. Я бы с этим согласился, если бы войска действительно его охраняли: но я нигде не видел, чтобы армия когда-либо спасала государство от нашествия, и я весьма опасаюсь, что она не защитит его от нашествий и в дальнейшем.

Польша окружена воинственными державами, которые постоянно держат под ружьем многочисленные, прекрасно обученные войска, и им она даже ценой больших усилий не сможет противопоставить ничего подобного, не растратив за короткое время силы, в особенности находясь в том плачевном состоянии, в которое разбойники, опустошающие ее, привели страну. Впрочем, ей и не позволят это сделать. Если посредством самого строгого управления она захотела бы завести армию на достойном уровне, ее соседи, в любой момент готовые в этом ее опередить, весьма быстро раздавили бы Польшу, прежде чем она смогла бы привести в исполнение подобный замысел. Да, если она захочет лишь подражать соседям, она все же окажется не в состоянии оказать им сопротивление.

Польская нация отлична по своему характеру, образу правления, нраву, языку не только от своих соседей, но и от всей остальной Европы. Я хотел бы, чтобы она отличалась от всех них и своим военным устройством, своей тактикой, выучкой, чтобы она всегда была сама собой и никем другим. И только в этом случае она достигнет того, чего желает, почерпнув в себе самой необходимые

средства. Самый непреложный закон природы — это закон сильнейшего. Не существует ни законодательства, ни государственного устройства, которые не подпадали бы под действие этого закона.

Поищите способы оградить вас от завоеваний соседа, более сильного, чем вы, и вы обнаружите, что это — погоня за несбыточной мечтой. Кроме того, такой же мечтой является желание завоевывать и иметь силы для нападения; все это несовместимо с устройством вашего правления. Если кто-то желает быть свободным, он не должен стремиться к завоеваниям. Римляне стали завоевателями по необходимости, так сказать, вопреки своей воле. Война была лекарством, необходимым для исцеления недостатков их строя. Постоянно подвергаясь нападениям, они всегда выходили победителями в стычках, и это был единственный варварский народ, обладавший воинской выучкой; и они стали хозяевами мира, постоянно защищая себя. Ваше нынешнее положение столь отличается от их положения, что вы даже не в состоянии защитить себя от захватчиков. У вас никогда не будет сил нападать и еще долгое время — сил для защиты себя. А лучше сказать — вы уже обладаете силой самосохранения, которая, хотя вы и порабощены, спасает вас от уничтожения; она сохранит ваш образ правления и вашу свободу в том единственном и подлинном святилище, каковым является сердце поляков.

Постоянная армия — настоящая чума и причина обезлюдения Европы; она хороша для достижения двух целей: либо для нападения на соседей и завоеваний, либо для того, чтобы наложить оковы на граждан и сделать их рабами. Обе эти цели вам чужды; так откажитесь от способа их достижения. Не должно государству оставаться без защитников, мне это известно, но его истинные защитники — его граждане. Всякому гражданину надлежит быть солдатом из чувства долга, и никто не должен им стать по ремеслу. Таковым было военное устройство у римлян, таковым оно является сегодня у швейцарцев и таковым оно должно быть в любом свободном государстве, особенно в Польше. Поскольку вы не в состоянии содержать за деньги армию, достаточную для обороны, необходимо, чтобы Польша в случае нужды нашла эту армию среди своих жителей. Хорошее ополчение, по-настоящему хорошо обученное, только и способно выполнить эту задачу. Это ополчение недорого обойдется республике, всегда будет готово ей служить, и служить хорошо,

ибо, в конце концов, лучше всего защищают собственное имущество, чем чужое.

Господин граф Виельгорский предлагает набирать отряды по воеводствам и держать их в постоянной боеготовности, а это предполагает, что коронную армию или, по крайней мере, пехоту распустят: я полагаю, что содержание тридцати трех отрядов — слишком тяжелая ноша для республики, если, сверх того, ей придется оплачивать содержание коронной армии. Это нововведение было бы полезно, и мне оно представляется легко осуществимым, но оно может оказаться слишком дорогостоящим, и при этом трудно будет избежать злоупотреблений. Я ни за что не соглашусь с мнением о необходимости рассеять солдат по городам и деревням для поддержания там порядка; это дурно повлияло бы на них, особенно на тех, кто является солдатом по ремеслу: не стоит оставлять таких солдат без присмотра, и еще в меньшей мере возлагать на них обязанность надзирать за согражданами. Им надлежит всегда маршировать и квартироваться в качестве единого целого, их следует постоянно держать в повиновении и под надзором, они должны быть не чем иным, как слепым орудием в руках офицеров. Стоит только возложить на них хоть в малом надзор за согражданами, и тотчас появятся бесчисленные насилия, обиды и злоупотребления. Солдаты и жители станут врагами; это несчастье повсюду сопутствует постоянной армии. Их отряды, находясь постоянно в строю, усвоят подобный нрав, и он никогда не будет во благо свободе. Римскую республику уничтожили собственные легионеры, когда, прекратив завоевания, она оказалась вынуждена держать войска в постоянной боеготовности. Еще раз повторю, что поляки вовсе не должны оглядываться по сторонам и следовать примеру происходящего вокруг, даже примеру хорошему. То, что есть благо для государственного устройства, совершенно отличного от их собственного, причинит им вред. Им нужно стремиться сделать то, что свойственно им, а не подражать окружающим.

Итак, почему же вместо постоянной армии, требующей во сто крат больших расходов, чем полезной у всякого народа, который не обладает воинственным нравом, не завести в Польше настоящее ополчение в том же виде, в каком его создали в Швейцарии, где каждый житель является солдатом, но только тогда, когда это необходимо? Рабство, установленное в Польше, не позволяет, не спору, в одночасье вооружить крестьян: ведь оружие в руках рабов

всегда станет более опасным, чем полезным для государства. Однако в ожидании счастливого часа освобождения нужно иметь в виду, что в Польше очень много городов, и их жители, организованные в отряды, смогли бы при необходимости составить многочисленные войска, которые в то время, пока в этом нет необходимости, не нужно было бы содержать, и все это ничего не стоило бы государству. Большая часть их жителей, не имея земель в собственности, оплачивали бы свои повинности службой, которая могла бы быть легко вменена им таким образом, чтобы не стать для них разорительной, и при этом они прошли бы достаточную воинскую подготовку.

В Швейцарии каждое частное лицо, вступившее в брак, обязано снабдить себя амуницией, являющейся праздничным нарядом, а также карабином и полным снаряжением пехотинца. А кроме того, такое лицо подлежит записи в вооруженную команду своего квартала. Летом, по воскресеньям и в праздничные дни ополчение проходит подготовку в порядке согласно реестрам ополчения: сначала в звеньях, затем в командах и, наконец, в отрядах. И в конечном итоге наступает и их очередь собираться в деревнях, организовывать небольшие военные лагеря, в которых они проходят подготовку и проводят учения, положенные пехоте. Пока они остаются дома, почти не отвлекаясь от повседневных забот, им ничего не платят; но, отправляясь строем в деревню, они получают хлебный паек и полное содержание от государства, и никому не позволяется отправить вместо себя другого человека, потому как каждый должен пройти такую подготовку сам. И таким образом все жители проходят воинскую подготовку. В таком государстве, как Польша, в ее обширных провинциях можно набрать достаточное число ополченцев, которые без труда заменят коронную армию, постоянно находясь в боевой готовности; но ополчение, меняющее свой состав по крайней мере ежегодно и мобилизованное небольшими отрядами от всех организмов государства, стало бы не слишком разорительным для частных лиц, очередь которых служить подошла бы по крайней мере один раз за 12 или 15 лет. Таким образом, вся нация прошла бы воинскую подготовку, и была бы создана прекрасная многочисленная армия, при необходимости готовая к бою, стоящая недорого, в особенности в мирное время. Меньше, чем коронная армия теперь.

Но чтобы добиться успеха в этом предприятии, следует начать с того, чтобы на деле изменить в этом вопросе общественное мнение о солдатском сословии, которое по сути полностью изменится, и сделать так, чтобы в Польше солдата считали не разбойником, ради куска хлеба продающего себя за 5 монет в день, но гражданином, готовым служить родине и считающим службу своим долгом. Необходимо, чтобы это сословие солдат снова пользовалось такими же почестями, как и прежде, как это еще имеет место в Швейцарии, в Женеве, где лучшие горожане одинаково гордятся тем, что служат в армии, и тем, что служат в городской ратуше, являясь членами суверенного совета. При этом весьма важно, чтобы выбор офицеров осуществлялся без учета положения лица в обществе, размеров имущества или влияния, но единственно с учетом опыта и таланта. Легче всего оказать почет умению хорошо владеть оружием: при этом каждый будет совершать воинские упражнения ревностно, неся службу родине на глазах у своей семьи и близких. Рвение не может загореться в душе сброда, случайно нанятого на службу, который во время воинских упражнений не чувствует ничего, кроме неприязни. Я застал время, когда в Женеве горожане владели оружием гораздо лучше, чем лица, служащие в регулярных войсках; но магистраты, полагая, что это посеяло бы в горожанах воинственный нрав, что не соответствовало их видам, взяли на себя труд уничтожить дух состязания и очень хорошо в этом преуспели.

Для осуществления этого плана можно было бы без опаски предоставить королю военную власть, естественным образом связанную с его положением, ибо трудно себе представить, чтобы нацию можно было использовать для угнетения самой себя, в особенности если те, кто ее составляет, будут обладать каждый в отдельности своей долей свободы. Ведь только при наличии постоянной армии, состоящей на довольствии, исполнительная власть способна поработить государство. У великих армий римлян не было этих недостатков, ибо они меняли свой состав при каждом консуле, и вплоть до Мариа никому и в голову не приходило использовать войска в качестве средства порабощения республики. И только тогда, когда римляне воевали в отдаленных странах, они вынуждены были держать в боеготовности постоянные армии, набирать их из бродяг, вручать командование ими проконсулам, и вот тогда-то эти проконсулы стали чувствовать себя независимыми и пожелали этим воспользоваться для установления своей власти. Армии Суллы, Пом-

пея, Цезаря превратились в настоящие постоянные армии, в которых дух военного правления заменил республиканский дух, и это до такой степени правда, что солдаты Цезаря считали себя весьма оскорбленными, когда он, будучи ими недоволен, называл их «гражданами» и «квиритами»⁴⁹. В плане, придуманном мною, который я вскоре полностью обрисую, вся Польша встанет под ружье ради защиты своей свободы против покушений как со стороны ее государя, так и против своих соседей; и я смею думать, что план, однажды приведенный в исполнение, позволит уничтожить должность великого гетмана и соединить ее полномочия с королевскими, причем в результате не будет ни малейшей опасности для свободы, разве что нация даст себя увлечь планами завоеваний, но в этом случае я уже ни за что не ручаюсь.

Почему бы всаднический разряд, который воистину является хранителем республики, не должен следовать образцу, предложенному мною для пехоты? Заведите во всех воеводствах отряды кавалерии, куда запишут всю знать, пусть в этих отрядах появятся офицеры, штаб, знамена, казармы, созданные на случай военной тревоги, назначат время для ежегодных сборов, дабы эта доблестная знать совершала военные упражнения по эскадронам, осуществляла разного рода марши, маневры, училась порядку и точности на учениях, а также получала воинскую выучку. Я не хотел бы, чтобы она рабски подражала тактике, принятой у других наций, но я хотел бы, чтобы она обладала свойственной только ей тактикой, которая бы развивала и совершенствовала ее природные и национальные свойства, чтобы она в особенности упражнялась в быстроте и легкости построений, умении делиться на отряды, легко рассеиваться и сосредотачиваться, не теряя строя, чтобы она упражнялась в том, что называют «малой войной», во всех упражнениях, свойственных легкой коннице, в искусстве захватывать страну подобно буре, достигать ее пределов и при этом быть неуловимой, всегда действовать слаженно, хотя и обособленно, упражняться в искусстве захватывать пути сообщения противника, перехватывать его обозы, атаковать его арьергарды, брать в плен отряды противника, выдвинутые вперед, захватывать врасплох его отряды, досаждать крупным соединениям,двигающимся и располагающимся лагерем; пусть она усвоит себе способ древних спартанцев в той же мере, в какой и их доблесть, и пусть выучится, подобно древним, побеждать и уничтожать самые сильные армии, никогда не ввязыва-

ваясь в сражения, но и не оставляя врагу времени на передышку. Одним словом, пусть у вас будет пехота, потому что она должна быть, но рассчитывайте только на вашу кавалерию, не упустите ничего, чтобы изобрести такое военное устройство, которое вручит исход войны в ваши руки.

Совет завести укрепления, данный свободному народу, — плохой совет. Они совершенно несовместимы с нравом поляков, и рано или поздно эти укрепления повсеместно становятся гнездами, где сидят тираны. Укрепления, которые вы думаете возвести против русских, неизбежно пойдут им на пользу и станут путями, и от них вы не освободитесь никогда. Пренебрегайте даже пользой от застав и не тратьте попусту деньги, заводя артиллерию: всего этого вам не нужно. Внезапное вторжение, конечно, несчастье, но еще большее несчастье — оковы, которые вы никогда не сможете сбросить. Вам не удастся сделать так, чтобы вашим соседям было трудно войти на вашу территорию, но вы можете сделать так, чтобы им оказалось трудно безнаказанно с нее уйти. А вот об этом-то вы и должны весьма и весьма позаботиться. Антоний и Красс легко вступили на территорию парфян, но к великому несчастью для себя. Столь обширная страна, как ваша, доставит ее жителям убежища и возможности скрыться от захватчика. Никакое человеческое искусство не сможет помешать внезапному нападению сильного на слабого, но слабый может запастись рычагами противодействия, и когда опыт научит врагов тому, что уйти с вашей территории весьма затруднительно, они не слишком станут торопиться вступать на нее. Пусть ваша страна остается столь же открытой, как и Спарта, но постройте, следуя ее примеру, крепкие цитадели в сердцах граждан, и вслед за Фемистоклом, который посадил Афины на корабли, при необходимости увозите ваши города на лошадях. Дух подражания создает мало хорошего и никогда не создаст ничего великого. У каждой страны имеются свои преимущества, которыми обладает только она, а установления государства должны их увеличивать и развивать. Берегите, возвращайте преимущества Польши, и она станет завидовать немногим странам.

Единственная вещь, делающая невозможным порабощение Польши, — это любовь к родине и свободе, вдохновляемая добродетелями, от нее неотделимыми. Вы в скором времени покажете тому пример, который останется в памяти людей навсегда. До тех пор пока эта любовь будет гореть в сердцах, она не предохранит вас,

возможно, от временного порабощения, но рано или поздно она произведет взрыв, поможет сбросить ярмо и сделает вас свободными. Без отдыха, не покладая рук, стремитесь возвысить патриотизм до самой высокой степени в сердцах всех поляков. Ранее я указал на некоторые средства, способные привести к такому результату; мне остается изложить здесь то средство, которое я считаю наиболее сильным и могущественным, ведущим к неизбежному успеху в случае, если оно будет использовано, а именно: сделать таким образом, чтобы все граждане беспрестанно чувствовали себя на глазах всего общества, никто не продвинулся вперед и не достиг успеха, иначе как с одобрения всего общества, никакая должность, никакая служба не отправлялись, иначе как следуя заветам нации, и в конечном итоге всякий, от последнего дворянчика и даже от последнего нищего до короля, насколько это возможно, до такой степени зависел бы от уважения общества, что невозможно было бы что-то предпринять, приобрести, достичь без этого уважения. Из возбуждения, вызванного этим общим состязанием, родится то патриотическое опьянение, которое только и в состоянии сделать так, чтобы люди превзошли самих себя.

А без этого свобода — пустое слово, а законодательство — пустая затея.

Легко ввести такое устройство во всадническом разряде, если позаботиться о том, чтобы повсюду соблюдалось последовательное продвижение по службе и никто не достиг бы почестей и почетных званий в государстве, не пройдя через более низкие ступени, которые послужили бы испытанием и пропуском с тем, чтобы достичь более высокого положения. Поскольку равенство в среде знати — основополагающий закон Польши, поприще на службе обществу должно начинаться с нижестоящих должностей — таковым надлежит быть духу государственного устройства Польши. Доступ к этим должностям следует открыть любому гражданину, усердие которого побуждает его вступить на это поприще и считающему себя в состоянии успешно их отправлять; но эти должности должны стать первым шагом, необходимым для каждого, кто, будь он знатным или не знатным, захочет преуспеть на этом поприще. Всякий волен выбирать — быть или не быть соискателем. Но как только кто-нибудь избрал этот путь, ему следует двигаться вперед на этом поприще, если только он добровольно от него не откажется или его не остановит неодобрение со стороны общества. Необходимо, чтобы

при каждом своем поступке он чувствовал на себе взгляд своих сограждан, их оценку и знал, что за всеми его шагами и действиями наблюдают, и все плохое и хорошее, совершенное им, будет честно учитываться, и этот учет будет вестись до конца его жизни.

Глава XIII

План подгнать последовательному продвижению по службе всех членов правления⁵⁰

Чтобы обеспечить последовательное продвижение по службе лиц, вот план, который я постарался, по возможности, приспособить к существующему образу правления, но перестроенный только в части, касающейся назначения сенаторов способом и исходя из соображений, прежде мною изложенных.

Всех граждан республики, имеющих право голоса (под ними я подразумеваю тех, кто примет участие в управлении), разделят на три класса, и в зависимости от принадлежности к классу каждый из них будет носить отличительные знаки. Принадлежность к всадническому разряду, которая прежде являлась испытанием добродетели, ныне — всего лишь знак благоволения короля. Ленты, драгоценности, их отличающие, напоминают безделушки и женские украшения, а всего этого следует избегать в нашем устройстве государства. Я хотел бы, чтобы знаки отличия всех трех разрядов, что я предлагаю ввести, представляли собой пластины из разных металлов, а ценность материала, из которого они изготовлены, при этом находилась бы в обратном отношении к степени достоинства тех, кто их носит.

Первому шагу в общественной деятельности должно предшествовать испытание для юношества, то есть испытание в должностях адвокатов, заседателей и даже судей в нижестоящих присутствиях, а также управляющих некоторыми ведомствами общественных финансов и вообще во всех нижестоящих должностях, которые открывают возможность тем, кто их отправляет, проявить свои качества, способности, прямоту и в особенности честность. Этот испытательный срок должен длиться по крайней мере три года, после чего, получив удостоверение от вышестоящих лиц, засвидетельствованное одобрением общества, они смогут выдвигать себя в качестве соискателей на сеймиках в своих провинциях, где после стро-

гой проверки их поведения почтут тех, кого сочтут достойными, золотой пластинкой, на которой будет выбито их имя, название провинции, дата принятия их в число испытуемых, а под этой надписью более крупными буквами будет выбито: *spes patriae*⁵¹. Те, кто получит эту пластину, будут носить ее на правой руке или на груди у сердца; они станут носить звание слуг государства, и во всаднический разряд попадут лишь слуги государства, и только их можно допустить к выборам на должность нунциев сейма и к выборам в заседатели высшего суда, а также на должности приставов в счетной палате, и ни на кого больше не возложат отправление государственных должностей, составляющее суверенную власть.

Чтобы достичь второй степени, необходимо трижды быть избранным нунцием в сейме и всякий раз получить на соответствующих сеймиках одобрение со стороны их избирателей, и никого нельзя избрать нунцием второй или третий раз, если только им не получено свидетельство, содержащее одобрение за предшествующую нунциатуру. Служба в высшем суде или в радоме в качестве пристава или депутата будет соответствовать нунциатуре, и достаточно будет трижды заседать в любом из них, но обязательно получив одобрение, чтобы получить право на вторую степень. Таким образом, при наличии трех свидетельств, представленных в сейм, слугу государства, который их получит, почтут второй пластинкой со званием, которое на ней выбито. Эту пластинку изготовят из серебра, одинаковой формы и величины с предыдущей, надписи на ней останутся те же, кроме того, что вместо слов *spes patriae* будет выбита надпись *civis electus*⁵². Тех, кто носит эти пластинки, назовут избранными гражданами, или просто «избранными», и они не смогут больше стать нунциями, заседателями высшего суда, приставами счетной палаты, но будут главным образом соискателями должности сенаторов. Никто не сможет попасть в Сенат, не достигнув этой второй степени, не нося отличительного знака, и все депутаты-сенаторы в соответствии с моим планом будут продолжать носить его до того момента, пока не достигнут третьей степени.

Я хотел бы, чтобы именно из тех, кто достиг второй степени, избирались принципалы колледжей и те, кто осуществляет надзор за воспитанием детей. Им можно вменить в обязанность в течение некоторого времени исполнять это поручение, прежде чем они получат доступ в Сенат, и их обяжут представить сейму одобрение коллегии управителей образованием. При этом не надо забывать,

что это одобрение, как и все остальные, следует засвидетельствовать мнением общества, которое можно запросить множеством способов.

Выборы депутатов-сенаторов будут осуществляться палатой нунциев на обычном сейме таким образом, что они станут занимать свое место не более двух лет, но с возможностью продления срока не более двух раз, при условии, что, покидая свое место, они предварительно получают свидетельство об одобрении, напоминающее то, что необходимо получить от сеймиков для избрания нунцием второй и третий раз. Ибо без подобного свидетельства, выданного после каждого отправления должности, нельзя будет получить никакого повышения по службе, и, дабы не оказаться отстраненным от участия в управлении, останется только одно средство этого избежать, а именно: снова вступить на служебное поприще, начиная с низших ступеней. Это следует разрешить с тем, чтобы не отнять у ревностного гражданина, какой бы промах он ни совершил, всякую надежду его исправить и добиться повышения. Во всем остальном не следует возлагать на какое-либо особое собрание составление или отказ в составлении свидетельств или одобрений. Необходимо, чтобы эти мнения выражала вся палата, а этого нельзя будет осуществить без затруднений, потери времени, если не воспользоваться для выражения мнений о деятельности депутатов-сенаторов, оставляющих свои места, тем же способом заполнения карточек, который я предложил для их избрания.

Возможно, скажут, что все эти свидетельства об одобрении, выданные сначала особыми организмами, затем сеймиками и, наконец, сеймом, получают не столько в силу заслуг, справедливости или искренности, сколько окажутся выторгованы с помощью влияния или хитрости; на это я могу сказать лишь следующее: я думаю, что обращаюсь к народу, который хоть и не лишен пороков, обладает еще и душевной силой и добродетелями; исходя из этого предположения, мой план хорош; но если Польша уже дошла до той точки, что все в ней продажно на корню и приобретено с помощью подкупа, бесполезно пытаться преобразовывать законы и сохранить свободу. Ей следует от всего этого отказаться и склонить голову под ярмо. Но вернемся к нашему плану.

Любой сенатор-депутат, который, получив одобрение, трижды займет это место, по праву перейдет в следующую степень, самую высокую в государстве. Знак отличия будет возложен на него коро-

лем по представлению сейма. Этот знак отличия в виде стальной пластины будет похож на предыдущие, но на нем выбьют надпись: *custos legium*⁵³. Те, кто ее получит, станут носить ее всю оставшуюся жизнь, какой бы высокой должности они ни достигли, и даже пребывая на троне, если им случится на него взойти.

Воевод и великих кастелланов следует избирать не иначе как из числа хранителей законов тем же способом, как и тех, кого избрали из числа граждан, то есть на выборах в сейме, и поскольку воеводы занимают самые высокие должности в республике, и занимают их пожизненно, для того чтобы дух состязания не исчез на этих должностях, за которыми следует только трон, только им откроют доступ к нему, но таким образом, что они смогут его получить только с одобрения общества и благодаря собственной добродетели.

Прежде чем перейти к следующему вопросу, замечу, что поприще, на которое я предлагаю вступить гражданам с тем, чтобы последовательно дойти до должности главы республики, кажется, в достаточной мере соответствует продолжительности человеческой жизни: ведь у держащих в своих руках бразды правления, переживших горячность юности, еще обладающих крепким здоровьем, после пятнадцати или двадцати лет последовательных испытаний на глазах у общества останется в запасе достаточное количество лет, для того чтобы родина могла воспользоваться их талантами, опытом, добродетелями, а они сами пользовались на высших должностях государства уважением и почестями, которые они заслужат. Если предположить, что человек начинает заниматься делами управления в двадцать лет, весьма возможно, что в тридцать пять он станет уже воеводой; но поскольку весьма затруднительно и подчас неуместно осуществлять это продвижение по службе столь быстро, люди займут свою должность лишь в редких случаях до сорока лет, и этот возраст, по моему мнению, в наибольшей степени соответствует тому, в котором сочетаются качества, требуемые от государственного деятеля. Добавим здесь, что это продвижение приспособлено (насколько это возможно) к потребностям управления. В вероятном исчислении я могу предположить, что каждые два года будет избрано по крайней мере пятьдесят новых «избранных граждан» и двадцать «стражей законов». Количество, более чем достаточное для того, чтобы заполнить обе части Сената, путь к занятию мест в которых открывают обе эти степени. Ибо легко заметить, что, хотя первый ранг сенаторов и наиболее многочисленен, поскольку его

занимают пожизненно, в нем всегда окажется меньше свободных мест, чем во втором, который, согласно моему плану, должен обновляться во время каждого обычного сейма.

Мы уже видели, а вскоре увидим еще раз, что я не оставляю праздными тех избранных лиц, что окажутся лишними, в ожидании доступа в Сенат в качестве депутатов. Дабы тем более не оставлять праздными «стражей законов», ожидающих доступа в Сенат в качестве воевод и кастелланов, именно из их числа я бы образовал коллегия управителей образования, о которой я недавно говорил. Можно поставить председателем этой коллегии примаса Польши или другого священника, сверх того записав в законе, что никакой другой священник, будь он даже епископом и сенатором, не может получить туда доступ⁵⁴.

Вот каким мне представляется вполне последовательное продвижение по службе в существенной и промежуточной части целого, а именно среди знати и магистратов. Но нам еще нужно сказать о двух крайних частях правления, а именно, о народе и короле. Начнем с народа, который до сего времени почти не принимался в расчет и которому теперь надлежит считать чем-то важным, если мы хотим придать силу и известную прочность Польскому государству. Нет более щекотливого вопроса, чем тот, о котором пойдет речь, ибо, в конце концов, хотя каждый чувствует, каким великим несчастьем для республики является то, что нация оказывается до некоторой степени ограничена всадническим разрядом, а все остальные разряды, то есть крестьяне и горожане, считались бы никчемными как в правительстве, так и в законодательной деятельности, хотя ведь именно таким и был старинный государственный строй Польши. В настоящее время было бы неосторожно, да и невозможно изменить государственный строй целиком и сразу, но это возможно сделать, если постепенно произвести подобные изменения и сделать без заметного переворота так, чтобы наиболее многочисленная часть нации прониклась привязанностью к родине, да и к правительству. Достичь этой цели возможно двумя способами: первый состоит в точном осуществлении правосудия, дабы у крепостного крестьянина или простолюдина не было оснований опасаться несправедливости и обид со стороны знатного, тем самым исцеляясь от глубокой неприязни, которую они естественным образом питают к нему. Это потребует значительного преобразования судов и особую заботу об образовании адвокатского сословия.

Второе средство, без которого первое ничего не значит, заключается в том, чтобы открыть крепостным крестьянам двери к получению свободы, а горожанам к знатности. И даже если это неосуществимо, следует, по крайней мере, чтобы люди видели такую возможность, но можно сделать и больше, как мне представляется, при этом не подвергая себя никакой опасности потерпеть неудачу. Вот, например, средство, которое позволит определенным образом достичь поставленной цели.

Каждые два года в промежутках между заседаниями сейма следует выбрать в каждой провинции время и место, подходящие для того, чтобы выборные лица этой провинции, пока еще не ставшие сенаторами-депутатами, собрались под председательством «хранителя закона», еще не достигшего звания пожизненного сенатора, в некоем собрании цензоров или попечителей блага людей, на которое пригласили бы не всех кюре, а лишь тех, кого сочли бы наиболее достойными подобной чести. Я даже думаю, что подобное предпочтение создало бы известное молчаливое суждение у народа и могло бы посеять известную состязательность среди сельских кюре, а также отвлечь большее их число от весьма беспутных нравов, к которым они весьма склонны.

На этом собрании, куда пригласили бы стариков и избирателей из всех сословий, можно было бы заняться изучением планов создания полезных учреждений для провинции, заслушать доклады кюре о состоянии их собственных и соседних приходов, доклады выборщиков о состоянии земледелия и положении семей в их кантоне; эти доклады внимательным образом проверялись бы, каждый участник заседания добавил бы свои собственные замечания, и из всего этого можно было бы составить достаточно точный перечень вопросов, а из них извлечь краткие памятные записки для последующего представления в сейм.

На нем подробно изучили бы нужды чрезмерно обремененных долгами семей, больных, вдов, сирот и оказать им помощь в зависимости от их потребностей из имения, созданного благодаря добровольным пожертвованиям не нуждающихся лиц. Эти пожертвования не стали бы ни в коей мере разорительными, тем более что это оказалось бы единственным проявлением щедрости с их стороны, принимая во внимание, что в Польше не следует мириться с наличием нищих и приютов для них. Без сомнения, священники бу-

дут постоянно призывать к сохранению приютов, но эти призывы — еще больший довод в пользу того, чтобы их уничтожить.

На этом же заседании, во время которого не станут заниматься наказаниями, выговорами, но только вопросами, касающимися благодеяний, похвал, поощрений, на основании верных сведений составят точные перечни частных лиц из всех сословий, поведение которых достойно почестей и вознаграждения. Эти перечни отправят в Сенат и королю, дабы при случае принять их во внимание, а также сделать правильный выбор и оказать предпочтение. Именно по указанию названных собраний в колледжах управляющие образованием предоставят бесплатные места для учащихся, о чем я прежде говорил. Но основное и наиболее важное занятие этого собрания заключается в составлении в соответствии с точными записками и на основании сведений о мнении общества, в достаточной степени проверенных, перечня крестьян, отличающихся добропорядочным поведением, хорошим ведением хозяйства на земле, добрым нравом, заботой о семье, а также исполнением обязанностей, приличествующих их состоянию. Из этого перечня, в дальнейшем представленного в сеймик, отберут определенное количество лиц: их в соответствии с законом освободят. И этот сеймик позаботится об определенных средствах возмещения хозяевам, даровав им право пользования выгодами, преимуществами, исключительными правами в соответствии с числом крестьян, которых сочли достойными освобождения, ибо во всяком случае нужно сделать так, чтобы освобождение крепостного крестьянина стало не разорительным для хозяина, а выгодным и почетным. Естественно, что для того чтобы избежать злоупотреблений при освобождении крестьян, оно должно производиться не хозяевами, а по решению сеймика и только в количестве, определенном законом*.

* При определении этого количества нужно больше обращать внимание на лиц, чем на отдельные поступки. Подлинное благо творят без лишнего шума. И только благодаря серьезному и неизменному поведению, благодаря домашним и личным добродетелям, исполнению обязанностей, приличествующих сословию, поступкам, вытекающим из характера и убеждений человека, он может заслужить почести, а не благодаря театральным жестам, за которые всегда получают награду в виде восхищения со стороны общества. Показная философия предпочитает показательные поступки, но человек, совершив пять или шесть поступков подобного рода, блестящих, шумных, получивших похвалу, ставит себе целью ввести в заблуждение относительно своего характера и тем самым получить право безнаказанно оставаться несправедливым и суровым всю оставшуюся жизнь. «Добудьте

Когда одну за другой освободят известное число семей в кантоне, можно освободить и целые деревни, с тем чтобы постепенно образовать коммуны, приписав к ним некоторые угодья, коммунальные земли; как в Швейцарии, назначив там коммунальных должностных лиц, и когда постепенно и без какого-либо ощутимого переворота это дело будет завершено, можно предоставить наконец-то этим крестьянам право, данное им от природы, участвовать в управлении их страной, избирая депутатов сеймиков.

Когда это будет сделано, ничто не мешает вооружить крестьян, ставших свободными людьми и гражданами, образовать из них отряды, обучить воинскому делу, и в конце концов возникнет ополчение, действительно великолепное и более чем достаточное для защиты государства.

Сходным образом можно действовать, предоставляя права дворянства определенному количеству горожан, а может быть, даже и не предоставляя дворянских прав, назначать их на некоторые заметные должности, которые они отправляли бы в исключительных случаях, подражая в этом отношении венецианцам: они хотя и ревниво относятся к правам знати, тем не менее, помимо службы на нижестоящих должностях, всегда предоставляют одному из жителей города второе место в государстве, то есть должность великого канцлера; при этом никакому патрицию не позволено на нее притязать⁵⁵. Таким образом, открыв горожанам доступ к знатности и почестям, можно будет любовью к отечеству привязать их к нему и тем упрочить государственный строй. Можно также, не предоставляя дворянские права отдельным лицам, предоставлять их целым городам, предпочтительно тем, в которых более всего процветают торговля, ремесла, производство, и, следовательно, муниципальное управление устроено наилучшим образом. Города, которым предоставлены права дворянства по примеру имперских городов Германии, отправляли бы нунциев в сейм, и их пример, конечно, возбуждал бы у остальных сильное желание добиться той же чести.

Советы цензоров, которым вверено ведомство благотворительности, к стыду народов и королей, никогда и нигде не существовавшие, несмотря на то что они не являются выборными, также образовали бы способом, в наибольшей степени подходящим для того,

---

себе разменную монету, совершив великие дела», — эта фраза одной женщины очень справедлива.

чтобы пользоваться своими полномочиями честно и ревностно, поскольку его члены, желая попасть на места сенаторов, имея на это право в соответствии с их степенями, с большим старанием стремились бы заслужить одобрение общества во время голосования в сейме; и участие в этих советах стало бы занятием, способным поддерживать рвение ищущих должностей на глазах у людей в промежутках времени между выборами в него. Заметьте, что это происходило бы тогда, когда они оставались бы простыми гражданами, обладающими различными степенями, поскольку этот своего рода суд, столь полезный и уважаемый, призванный принести только благо, никогда не будет облечен принудительной властью: таким образом я не умножаю количество выборных лиц, но попутно пользуюсь моментом перехода с одной должности на другую, дабы извлечь выгоду из тех, кто должен эти должности занять.

Благодаря этому плану (постепенно приводя его в исполнение, осуществление которого можно ускорить, замедлить или вообще остановить в зависимости от успеха или неуспеха; учитывая опыт, можно сколь угодно двигаться вперед) можно было бы возбудить во всех нижестоящих сословиях горячее желание споспешествовать общественному благу и добиться того, чтобы все части Польши оживились, связать их таким образом, что они составят единый организм, крепость и силы которого, по крайней мере более здоровые, можно было бы удесятерить в сравнении с нынешним положением, и это принесло бы неоценимую пользу, поскольку таким образом избежали бы любого резкого и внезапного изменения, так же как и опасности переворотов.

Вам представится великолепная возможность приступить к этому делу достойным и блестящим образом, что приведет к весомому результату. Невозможно, с учетом несчастий, которые Польша только что пережила, чтобы конфедераты получили содействие или увидели проявление привязанности со стороны некоторых горожан и даже некоторых крестьян. Возьмите за пример великодушные римлян, всегда заботившихся, особенно после великих бедствий, перенесенных республикой, о том, чтобы выказать как можно больше благодарности иностранцам, подданным, рабам и даже животным, которые во времена невзгод оказали им достойные внимания услуги. О, какое прекрасное начало, по моему мнению, — торжественно предоставить права дворянства горожанам и освободить крестьян, и все это со всем великолепием, со всеми обрядами, спо-

собными придать этой церемонии величественный, трогательный, запоминающийся характер! И при этом не останавливайтесь на полпути. Эти люди, получившие отличия в такие времена, должны навсегда остаться избранными детьми родины. О них нужно заботиться, охранять, помогать им, поддерживать, даже если когда-то они были людьми с сомнительным прошлым. Следует любой ценой сделать так, чтобы они жили беззаботно всю оставшуюся жизнь. Пусть Польша покажет всей Европе пример, находящийся у всех перед глазами, того, что должно от нее ожидать во времена успехов, если кто-то посмел помочь ей в тяжкие времена.

Вот в самом грубом выражении и в виде примера мысль о том, каким образом можно действовать так, чтобы каждый увидел перед собой свободную дорогу к всевозможным достижениям, ведущим на самые почетные должности благодаря службе родине, и чтобы добродетель открывала все двери, которые удача посчитала нужным закрыть.

Но еще не все готово, та и часть этого плана, что мне предстоит изложить, является, бесспорно, самой затруднительной и более всего смущает, так как она предполагает, что нужно будет преодолеть препятствия, из-за которых терпели неудачу самые мудрые политики при всей своей осторожности и опыте. А между тем мне кажется, что, приняв к исполнению мой план и используя средство очень простое, которое я собираюсь предложить, все эти сложности можно устранить, все злоупотребления предотвратить, а то, что, казалось бы, создает новые препятствия, обернется выгодой в ходе его осуществления.

Глава XIV

Выборы королей

Все трудности сводятся к одной: дать государству правителя, выборы которого не послужили бы поводом для смуты и не превратились бы в посягательство на свободу. Эта сложность возрастает еще и потому, что этот глава должен обладать великими качествами, необходимыми тому, кто берет на себя смелость править свободными людьми. Наследование короны предотвращает смуты, но оно ведет к рабству; выборы укрепляют свободу, но с началом нового царствования они раскачивают корабль государства. Горько, если при-

ходится выбирать между этими двумя возможностями, но прежде чем говорить о способах избежать этого выбора, да будет мне позволено немного поразмышлять о том, как поляки обычно распоряжаются короной.

Для начала я бы им задал вопрос: почему они выбирают королей из числа иностранцев? В силу какого ослепления они избрали способ, использование которого прямо ведет к порабощению нации, к уничтожению ее обычаев, к тому, что она стала игрушкой в руках других дворов, без всякой надобности увеличивая опасности времен междоусобицы? Какая несправедливость по отношению к самим себе, какое оскорбление для своей родины! Как будто потеряв надежду найти внутри страны человека, достойного ими руководить, они оказались вынуждены искать его где-то далеко. Как они не почувствовали, как не заметили, что нужно сделать прямо противоположное? Откройте летописи вашей нации, и вы увидите Польшу, прославившуюся, победоносную только во времена правления королей-поляков и неизменно угнетенную, униженную под властью иностранцев. Так пусть же опыт будет, наконец, опираться на разум, посмотрите, какие несчастья вы причиняете сами себе и каких благ себя лишаете.

Ибо еще раз вас спрашиваю: как польская нация, приложившая столько усилий, чтобы сделать корону выборной, не подумала извлечь выгоду из этого закона, распространив среди членов правления дух состязания в усердии и стремлении к славе, способный принести больше блага родине, чем все законы, вместе взятые? Какой мощный рычаг воздействия на великие и исполненные честолюбия души, когда эта корона, предназначенная самым достойным, окажется дорогой в будущее в глазах каждого гражданина, который сумеет заслужить уважение общества! Надежда добиться этой должности и получить ее за самую высокую цену не должны ли в вашей нации пробудить столько добродетелей, столько благородных усилий, столько ростков патриотизма во всех сердцах, когда бы всем было отлично известно, что должность, ставшую предметом тайного вождения отдельных лиц, можно получить только в силу личных заслуг, когда каждый понимает, что только от него зависит приблизиться к ее получению и, если при этом сопутствует удача, в конце концов ее получить. Поищем же наилучшее средство привести в действие этот рычаг, столь мощный в республике, которым доселе столь часто пренебрегали. Возможно, мне возразят, что дос-

таточно вверить корону лишь полякам, чтобы устранить все сложности, о которых идет речь: вот это-то мы вскоре и увидим, после того как я укажу на средство. Это средство простое, но, наверное, покажется, что цель, на которую я только что указал, недостижима, если я скажу, что это средство заключается в том, чтобы выборы короля осуществлять по жребию. Умоляю или дать мне время объясниться, или пусть просто перечитают внимательно мой план.

Ибо, если спросят: «Как удостовериться в том, что король, избранный по жребию, может обладать качествами, требуемыми для достойного отправления его должности?», — то тогда мне приведут возражение, на которое я уже ответил, ибо в этом случае вполне достаточно, если короля выберут по жребию из пожизненных сенаторов, так как, поскольку этих последних выберут из разряда «стражей законов» и они пройдут с честью испытания во всех степенях в республике, испытания всей их жизни и одобрение общества на всех должностях, которые они отправляли, станут достаточной похвалой заслуг и добродетелей каждого из них.

Тем не менее, я не думаю, что даже между пожизненными сенаторами только жребий должен решать, кому отдать предпочтение: это означало бы не вполне достичь той великой цели, которую перед собой ставят. Необходимо, чтобы жребий получил несущественное значение, а выбор — существенное, с тем, чтобы, с одной стороны, обессилить происки и заговоры иностранных держав, а с другой — побудить всех воевод не только никогда не допускать недостойного поведения, имея перед глазами столь весомую выгоду, но и продолжать усердно служить родине, дабы получить заслуженные преимущества перед другими соперниками.

Признаюсь, что класс соперников выглядит достаточно многочисленным, если к нему добавить великих кастелланов, которые, согласно существующему государственному устройству, равны по положению воеводам, но я не вижу никакого неудобства в том, чтобы предоставить только воеводам непосредственный доступ к трону. Это привело бы к тому, что среди великих кастелланов образуется новая степень лиц, которым следует пройти испытание, прежде чем стать воеводами, и, следовательно, это стало бы еще одним средством держать Сенат в зависимости от законодателя. Как уже отмечалось, великие кастелланы мне представляются должностью, избыточной в государственном устройстве, тем не менее, дабы избежать больших изменений в нем, надо бы сохранить за ними место

и ранг в Сенате. Этот шаг я одобряю. Но в том продвижении по службе, которое я предлагаю, ничто не обязывает ставить кастелланов вровень с воеводами, но так как ничто не мешает это сделать, можно будет без всякого неудобства принять то решение, что сочтут наилучшим. При этом я полагаю, что предпочтительнее было бы открыть непосредственный доступ к трону только воеводам.

Итак, сразу же после смерти короля, то есть по прошествии малого времени (насколько это возможно), времени, определенного законом, нужно торжественно созвать избирательный сейм. На выборы выставят имена всех воевод, и по жребию следует (со всеми необходимыми предосторожностями) избрать троих так, чтобы никакое мошенничество не испортило это мероприятие. Эти три имени громко назовут во время собрания, которое на том же самом заседании и большинством голосов изберет того, кого оно предпочтет, и его провозгласят королем в тот же самый день.

В этом порядке проведения выборов обнаружат большое неудобство, не стану спорить. Оно состоит в том, что нация не сможет свободно выбрать из числа воевод того, кого она чтит и любит более всего и считает наиболее достойным королевской должности; но это неудобство не в новинку в Польше, и случалось множество выборов, в особенности последние, когда, не считаясь с теми, кого нация считает лучшим, ее заставляли выбирать лиц, ей неприятных: но вместо этого преимущества, которого она уже не имеет и принесла в жертву, сколько других, более значительных, она получит и окажется в выигрыше, используя этот порядок выборов!

Во-первых, случайный выбор сразу же лишает силы все заговоры и происки иностранных государств; им больше не удастся повлиять на эти выборы, поскольку, приложив столько усилий, они будут не слишком уверены в их успехе, ведь здесь не поможет даже мошенничество в пользу какого-либо лица, которого нация в любое время может отвергнуть. Единственная значимая выгода от таких выборов заключается в том, что она обеспечивает покой в Польше, уничтожает продажность в республике, и на выборах остается почти такая же спокойная обстановка, как и при наследовании короны.

То же самое преимущество будет иметь место, несмотря на происки самих соискателей. Ибо кто из них пожелает пуститься в расходы, дабы обеспечить себе предпочтение избирателей, в этом слу-

чае от людей отнюдь не зависящее, и принести в жертву свое состояние ради такого дела, успех которого зависит от стольких неблагоприятных обстоятельств, из которых лишь одно может оказаться благоприятным? Добавим, что тем, на кого выпадет жребий, не останется времени купить выборщиков, ибо выборы будут происходить на том же самом заседании.

Свободный выбор нации между тремя соискателями ограждает ее от недостатков выбора по жребию, который, предположим, пал на лицо недостойное, ибо, если такое случится, нация не станет избирать такого человека; однако совершенно невозможно, чтобы между тридцатью тремя знаменитыми людьми, лучшей части нации, такой человек сыскался, и непонятно, как можно не найти в ней хоть одного достойного. В этом случае все трое, на кого выпадет жребий, окажутся недостойными.

Итак, и это замечание весьма весомо: мы соединим в этом порядке выборов все преимущества простых выборов с наследованием короны.

Ибо, во-первых, корона не перейдет от отца к сыну, а значит, не возникнет устойчивой преемственности, которая ведет к порабощению республики. А, во-вторых, жребий при этом порядке является средством проведения добровольных и понятных всем выборов. Достойный уважения организм стражей законов и воевод, которые выбраны из числа первых, не может осуществить какой-либо отбор иначе, как из числа тех, кто уже был избран самой нацией.

Но посмотрите, какой дух состязания эта возможность должна вселить в организм воевод и великих кастелланов, занимающих пожизненно свои места и способных совершить недостойный поступок, будучи уверенными в том, что их этих мест не лишат. В этом случае невозможно, чтобы их сдерживало опасение, но надежда занять престол, который каждый из них видит впереди, является еще одним средством подстегнуть их, заставляя быть весьма внимательными к своему поведению. Они знают, что жребий не имеет смысла, если их отвергнут во время выборов, а единственное средство оказаться в числе избранных — заслужить это. Это преимущество слишком велико, слишком очевидно, чтобы необходимо было на нем настаивать.

Предположим на минутку худшее, а именно, что нельзя избежать мошенничества во время жеребьевки, и соискатели смогут обмануть

бдительность всех тех, кто усматривает собственную выгоду в этом деле. Это мошенничество станет несчастьем для устраненных соискателей, но для республики результат будет таким же, как если бы жеребьевка оставалась безупречной: ибо польза от выборов оказалась бы не меньшей, как и возможности предотвратить смуты времен междуцарствия и опасности наследования короны тоже. Соискатель, чье честолюбие овладеет им до такой степени, что он прибегнет к этому мошенничеству, не станет, впрочем, в меньшей мере человеком достойным, способным, по мнению нации, с честью носить корону, и, наконец, даже после этого мошенничества возможность воспользоваться его плодами немало будет зависеть от последующего и определенного выбора всей республики.

Если этот план целиком и полностью одобрят, все окажется связанным в государстве, и никто, от первого из воевод до последнего жителя государства, не получит возможности продвинуться вперед иначе как следуя по пути долга и с одобрения общества. Да и сам король, как только он избран, не увидит выше себя ничего, кроме законов, никакого иного ограничения, которое его бы сдерживало, и, не нуждаясь в одобрении со стороны общества, он, ничем не рискуя, возможно, обойдется и без него, если его предначертания того требуют. Но в этом случае я вижу лишь одно лекарство, но о нем даже не стоит и задумываться. А именно, сделать корону в каком-то смысле сменяемой, дабы по истечении некоторого времени короли получали подтверждение своих полномочий. Но еще раз скажу, это средство не стóит даже и предлагать: на престоле постоянно царило бы смятение, и это средство отнюдь не сделало бы управление достаточно надежным, с тем чтобы оно всеми силами действовало единственно во благо общества.

Есть древний обычай, который существовал только у одного народа; удивительно, однако, то, что его удачное использование никого не побудило последовать этому примеру. По правде сказать, этот обычай подходит лишь для выборной монархии, хотя придумали его и использовали при наследственном правлении. Я имею в виду оценку деяний египетских царей, которым после смерти, в силу постановления, гробница и королевские почести либо предоставлялись, либо не предоставлялись в зависимости от того, хорошо или плохо они правили государством при жизни. Безразличие наших современников к вопросам морали и к тому, что придает душевные силы, приведет их к тому, что они сочтут безумием мысль

о возрождении этого обычая в отношении королей Польши, но не французам, и уж тем более не философам я хотел бы предложить попытаться ввести этот обычай, но я полагаю, что его можно предложить завести полякам. Смею предположить, что подобное установление принесло бы им значительную и ничем не заменимую пользу, не связанную ни с какими неудобствами. В настоящем положении вещей ясно, что если только речь не идет о душе низменной, равнодушной к почитанию памяти о ней, неизбежно честное суждение не может не дозвезть над королем, а он не станет сдерживать свои пристрастия в большей или меньшей мере; и, признаюсь, я думаю, что он всегда оказался бы в состоянии их в определенной мере сдерживать, в особенности если вдобавок учесть выгоды его детей, участь которых предрешит постановление относительно почитания памяти их отца.

Я желал бы, таким образом, чтобы после смерти каждого короля его тело выставили в общедоступном месте до того времени, когда вынесут суждение о его правлении, и суд, который должен вынести это судебное решение и предоставить ему усыпальницу, собрался как можно раньше, и на нем его жизнь и царствование были бы нелицеприятно изучены. А после того как сведения, предоставить которые допустили бы любого гражданина, наделенного правом его обвинить или защитить, вслед за правильно проведенным разбирательством последовало бы решение, вынесенное возможно более тожественно.

Согласно этому судебному решению, если оно в пользу покойного короля, то его объявят добрым и справедливым государем, его имя с почестями впишут в список королей Польши, его тело со всей пышностью поместят в усыпальницу, а выражение «Славной памяти» добавят во всех документах и публичных речах; назначат пенсию его вдове и детям, объявленным королевскими принцами, и они будут пользоваться на протяжении всей жизни почестями, связанными с этим титулом.

И чтобы, напротив, если его сочли виновным в несправедливости, насилии, происках и в особенности покушениях на общественную свободу, память о нем будет предана осуждению и бесчестию, а его тело, лишенное права быть помещенным в королевской усыпальнице, похоронят без почестей, как тело частного лица, его имя вычеркнуто из перечня королей, а его дети, лишенные титула королевских принцев и исключительных прав, с ними связанных, ста-

нут принадлежать к классу простых граждан, не имея почетных отличий, но и не заклеянные позором.

Я хотел бы, чтобы это судебное решение выносилось с соблюдением церемонии и предшествовало, если возможно, выборам преемника, с тем чтобы власть этого преемника не повлияла на приговор, суровость которого ему выгодно было бы смягчить. Разумеется, весьма желательно было бы иметь больше времени для того, чтобы обнаружить истины утаенные и лучше провести судебное разбирательство. Но, если после выборов станут медлить, то я опасаюсь, что это важное действие окажется пустым церемониалом, и, как почти всегда бывает при наследственном правлении, он превратится в надгробную речь о достоинствах покойного короля, а не в справедливое и нелицеприятное судебное решение о его правлении. В этом случае лучше предоставить обществу возможность высказаться, упустив при этом из виду некоторые второстепенные сведения, с тем чтобы сохранить прямоту и суровость этого решения, которое в противном случае оказалось бы бесполезным.

Что касается суда, который вынес бы этот приговор, я хотел бы, чтобы им стал не Сенат, не сейм, не какой-либо иной государственный организм, облеченный правительственной властью, но целиком разряд граждан, который не так-то легко обмануть или подкупить. Мне кажется, что «избранные граждане», более осведомленные и более опытные, чем «слуги государства», и менее участливые, чем весьма близкие к престолу «стражи законов», могли бы образовать тот самый промежуточный организм, который обнаружил бы больше осведомленности и прямоты, оказался бы в наибольшей степени способным выносить правдивые судебные решения и в этом случае стал бы более предпочтительным. Если же случится, что этот организм будет недостаточно многочисленным для вынесения столь значимого судебного решения, я предпочел бы, чтобы его пополнили «слугами государства», а не «хранителями законов». И наконец, я желал бы, чтобы это присутствие возглавил маршал, избранный из состава собрания, а не из числа лиц, занимающих какие-либо должности, и организм избирал бы его самостоятельно, подобно тому как избираются маршалы сеймиков и конфедераций, ведь так необходимо избежать влияния соображений частной выгоды на подобный документ, который может оказаться либо возвышенным, либо смешным, в зависимости от того, каким образом в этом случае поступят.

Заканчивая раздел о выборах короля и судебном решении о его царствовании, я должен сказать, что в ваших обычаях меня весьма покорила и показалась противоречащей духу вашего государственного устройства одна вещь, а именно: я заметил, что ваше государственное устройство опрокинуто и даже уничтожено после смерти короля до такой степени, что все судебные присутствия прекращают свою деятельность и закрываются, как если бы это устройство настолько зависело от государя, что его смерть повлекла за собой разрушение государства. Ах, Бог мой! Так все должно быть совсем наоборот. Король умер, но все должно оставаться в том же виде, как и при его жизни, и едва ли было бы заметно, что механизму не хватает одной детали, поскольку она несущественна для сохранения прочности последнего. К счастью, эта непоследовательность ни на что не влияет. Достаточно сказать, что она исчезнет навсегда, а сверх этого ничего не следует менять: однако не нужно сохранять это странное противоречие, ибо, раз оно уже существует в настоящем государственном устройстве, оно станет еще более заметным после его преобразования.

Глава XV

Заключение

Вот мой план, в достаточной мере очерченный. На этом я останавливаюсь. Какой бы план ни взялись осуществлять, не следует забывать то, о чем я сказал в «Общественном договоре» о состоянии слабости и анархии, в котором находится нация в то время, когда она преобразует свое государственное устройство⁵⁶. В момент беспорядков, кипения страстей она не в состоянии оказывать какое-либо сопротивление, и малейший толчок способен опрокинуть все; поэтому важно любой ценой обеспечить себе время спокойствия, на протяжении которого можно безопасно действовать себе во благо и обновить государственное устройство. И хотя перемены, которые следует произвести в нем, не являются основополагающими и не кажутся особенно существенными, они все же потребуют подобных мер предосторожности и, безусловно, известного времени, чтобы ощутить влияние самого лучшего преобразования и понять, каковы будут его плоды. Лишь предполагая, что успех в полной мере зависит от храбрости конфедератов и праведности их дела, можно задуматься об осуществлении предприятия, о котором идет речь. Вы ни в чем и никогда не станете свободными до тех пор,

пока на территории Польши останется хотя бы один русский солдат, и вам будет грозить опасность исчезновения до тех пор, пока Россия вмешивается в ваши дела. Но если вам удастся заставить Россию вести с вами переговоры как с державой, а не как опекуном обходится с подопечным, воспользуйтесь в этом случае истощением, к которому приведет ее война с Турцией, для того чтобы завершить ваше дело, прежде чем Россия сможет вам в этом помешать. Хотя я и не считаю надежной безопасностью, которую обеспечивают друг другу государства с помощью соглашений, подобное особое стечение обстоятельств, наверное, заставит вас по возможности воспользоваться этим средством, например, с тем, чтобы проведать те намерения, что питают в настоящее время те, кто стремится заключить с вами такие соглашения. Но, помимо этого случая и, возможно, торговых договоров, заключенных при иных обстоятельствах, не тратьте время и силы на пустые переговоры, не тратьте попусту деньги на послов и поверенных при других дворах и никоим образом не рассчитывайте на союзы и договоры. Все это бесполезно в отношениях с христианскими державами: им незнакомы иные узы, кроме тех, что налагают соображения выгоды, поскольку они будут соблюдать взятые на себя обязательства лишь тогда, когда сочтут их выгодными; когда же им окажется выгодным их нарушить, они их нарушат. Вот поэтому-то и не стоит брать на себя подобные обязательства. Даже если их выгода не оставляет сомнений, понимание того, что является для них подходящим, позволяет вам предугадать то, как они поступят. Но христианские государства руководствуются отнюдь не пользой, а сиюминутной выгодой какого-нибудь министра, какой-нибудь девицы, фаворита, и эти соображения никакая человеческая мудрость не сможет предугадать; они направляют их поступки то к выгоде для себя, то во вред, да и можно ли быть в чем-нибудь уверенным с людьми, которые не обладают никакими устоявшимися взглядами и которые поступают, подчиняясь случайным побуждениям? Нет ничего легкомысленней придворной политической науки, и, поскольку она не основана на каких-либо твердых началах, то из нее невозможно сделать никаких определенных выводов, и все это распрекрасное учение о выгодах государей — детская игрушка, вызывающая смех у разумных людей.

Поэтому не опирайтесь доверчиво ни на ваших союзников, ни на ваших соседей. Вы сможете немного рассчитывать лишь на одного

из них — на великого султана, и вы не должны щадить сил для того, чтобы добиться его поддержки: вовсе не потому, что его взгляды на государство более определенные, чем у других держав — и при его дворе все тоже зависит от визиря, фаворитки, интриги в серале — но выгода Порты ясна и проста, ибо речь идет о ее существовании, и ее трон в целом занимают люди, гораздо менее искушенные в политике и лукавые, но с большей прямоотой и здравым смыслом. Из одного этого вы извлечете больше пользы, чем от договоров с христианскими державами, а именно в том, что она исполняет свои обязательства и обычно соблюдает соглашения. Нужно постараться заключить с ней одно соглашение сроком на двадцать лет, достаточно надежное и, по возможности, ясное. Этот договор до тех пор, пока иная держава скрывает свои планы, станет для вас наилучшей и, возможно, единственной порукой, которую вы сможете получить. И в том положении, в котором Россия, вероятно, окажется вследствие нынешней войны, я считаю, что этого соглашения будет достаточно для обеспечения безопасности ваших действий, тем более что общая выгода держав Европы, и в особенности ваших соседей, заключается в том, чтобы сохранить вас в качестве преграды между ними и Россией, и, однажды понадевав глупостей, надо надеяться, что они хотя бы раз проявят мудрость⁵⁷.

Еще одна вещь заставляет меня верить, что в целом вы сможете трудиться над преобразованием вашего государственного устройства, не вызывая зависти у соседей: а именно то, что эти действия ведут к укреплению вашего законодательства, а следовательно, свободы, и эта свобода покажется всем дворам некоей причудой мечтателей, которая повлечет за собой ослабление, а не укрепление государства. Ведь именно по этой причине Франция всегда благожелательно смотрела на свободу в Германском союзе и в Голландии и именно по этой причине сегодня Россия благожелательно смотрит на существующее правление в Швеции и всеми силами препятствует осуществлению планов ее короля. Все эти великие министры, судящие о людях по самим себе и по тем, кто их окружает, думая, что хорошо их знают, даже представить себе не могут, какой внутренней силой в свободных душах обладает любовь к родине и стремление к добродетели. Напрасно они обманывают себя невысоким мнением о республиках, но при этом во всех своих предприятиях встречают сопротивление, которого не ожидают. Они никогда не расстанутся с предрассудком, основанным на презрении, которого

они сами достойны, ибо с этой точки зрения они оценивают человеческий род. И несмотря на достаточно показательный опыт, только что полученный русскими в Польше, ничто не заставит их изменить свое мнение. Они всегда будут смотреть на свободных людей так, как следует смотреть на них самих, а именно: как на людей ничтожных, на которых могут повлиять только два средства — кнут и пряник. И если они заметят, что Польская республика вместо того, чтобы старательно заниматься наполнением своих сундуков, увеличивать объем финансов, создавать регулярные войска, напротив, думает распустить свою армию, обходиться без денег, они подумают, что она старается ослабить себя, и, убедившись в том, что для ее завоевания достаточно только вступить на ее землю, когда им заблагорассудится, они позволят ей все исправить без помех, потихоньку подсмеиваясь над деятельностью поляков. Конечно, следует согласиться с тем, что свобода лишает народ сил нападать на соседа, через двадцать лет русские попробуют завоевать вашу территорию, и они узнают, какими солдатами являются эти миролюбивые люди, когда речь идет о защите их жилищ, те солдаты, которые не умеют совершать набеги на соседей и не знают цену деньгам.

В конечном итоге, когда вы освободитесь от коварных гостей, остерегайтесь умеренного обращения с королем, которого они пожелали вам навязать. Нужно либо отрубить ему голову, как он того заслуживает, либо, без оглядки на его предшествующее избрание, которое абсолютно недействительно, избрать его снова с другими *pacta conventa*, заставив его отказаться от права назначения на высокие должности. Этот второй путь не только более гуманен, но и более разумен, я усматриваю в этом некую щедрость и гордость, которые умерят пыл также и петербургского двора, в случае если вы проведете повторные выборы. Понятовский вел себя весьма преступно, но, возможно, сегодня он — всего лишь несчастный человек, особенно при настоящем положении дел, и мне кажется, он ведет себя так, как и должен вести, то есть, ни во что не вмешиваясь. Естественно, в глубине сердца он должен горячо желать изгнания своих суровых хозяев. Возможно, он проявил бы геройский патриотизм, присоединившись к конфедератам, дабы выдворить своих хозяев, но всем известно, что Понятовский отнюдь не герой. Впрочем, ему не позволили бы это сделать, поскольку он находится

под постоянным надзором и, в конце концов, всем обязан русским; и скажу откровенно, что будь я на его месте, я ни за что на свете не согласился бы проявить подобный героизм.

Я отлично знаю, что не такой король вам нужен, когда ваше преобразование будет осуществлено, но, возможно, это именно тот король, который вам нужен, чтобы осуществить его спокойно. Пусть он остается на престоле еще восемь-десять лет, — государственный механизм начнет работать, многие воеводства уже заполнятся «стражами законов» и вы не станете опасаться, что преемник окажется похожим на него; но я очень боюсь, что, просто лишив его престола, вы не будете знать, что с ним делать, к тому же подвергнув себя опасности новых беспорядков.

Тем не менее, от каких бы неудобств ни избавляли вас свободные выборы нового короля, об этом нужно задуматься только после того, как вы удостоверитесь в его подлинных намерениях, предполагая, что он обладает хоть в малой степени здравым смыслом и благородством, любовью к своей стране, знанием ее подлинных выгод и желанием их для нее добиться, ибо во всякие времена, в особенности в том грустном положении, к которому несчастья Польши ее приведут, для нее нет ничего пагубнее предателя во главе правительства.

Что же касается способа приступить к делу, о котором идет речь, мне не по вкусу те тонкости, что вам предлагают, дабы обмануть или застигнуть в какой-то мере врасплох нацию, производя необходимые изменения в ее законах. Я лишь придерживаюсь мнения, однако, излагая свой план преобразований во всей его полноте, что не следует резко приступать к его исполнению и при этом наполнять республику недовольными, а надо оставить на должностях большую часть тех, кто их занимает, и, в соответствии с новыми преобразованиями, жаловать должности только по мере их высвобождения. Не нарушайте резко движения механизма. Нисколько не сомневаюсь, что однажды одобренный хороший план изменит сам дух тех, кто прежде вошел в правительство. Будучи не в состоянии сразу создать новых граждан, поначалу извлекайте выгоду из тех, что есть, и откройте новую дорогу их честолюбию, и это станет средством побудить их по ней идти.

И если, несмотря на храбрость и упорство конфедератов, несмотря на праведность их дела, удача и все остальные державы их покинут и отдадут вашу родину в руки ее угнетателей... Но я не имею че-

сти быть поляком, а в положении, подобном тому, в котором вы находитесь, позволительно высказывать мнения, только подавая собственный пример.

Только что в меру сил я выполнил задачу, возложенную на меня господином графом Виельгорским, и дай-то Бог, если я это сделал столь же удачно, сколь и пылко. Может быть, все сказанное — не что иное, как нагромождение несбыточных мечтаний моего воображения, но таковы мои мысли, и не моя вина, что они так мало похожи на мысли других людей: не от меня зависит устроить мой ум по-другому. Признаюсь даже, что как бы своеобразны ни были эти мысли, я не вижу в них, с моей точки зрения, ничего такого, что не было бы вполне приспособлено к сердцу человека, ничего плохого, неосуществимого, в особенности в Польше, ибо я старался в моих суждениях придерживаться духа установлений этой республики, предлагая как можно меньше изменений, насколько это от меня зависело, чтобы исправить недостатки в ней. Мне кажется, что правительство, использующее подобные рычаги, должно прямо идти к достижению своей цели столь же настойчиво и долго, насколько это возможно; при этом я, кроме того, понимал, что все творения рук человеческих несовершенны, преходящи и могут погибнуть, как и сами люди.

Я опустил, и намеренно, множество весьма важных пунктов, относительно которых я не считал себя достаточно осведомленным. Я предоставляю позаботиться об этих вопросах людям, более знающим, более мудрым, чем я. Завершаю это долгое и бессмысленное рассуждение, принося графу Виельгорскому мои извинения за то, что столь долго занимал им его внимание. Хотя я размышляю иначе, чем другие люди, я не льщу себе надеждой, что являюсь более мудрым, чем они, и что в моих мечтаниях содержится что-либо действительно полезное для их родины; но мои пожелания процветания Польше слишком искренни и чисты, слишком бескорыстны, чтобы сочли, будто гордость от того, что я этому способствовал, возможно, примешивается к моему усердию. Пусть же Польша победит своих врагов, станет и остается мирной, счастливой и свободной, примером всему миру и, воспользовавшись трудами патриота — господина графа Виельгорского — сможет найти и вскормить в своем лоне многих граждан, похожих на него.

**Соображения об образе правления в Польше
и о плане его переустройства, составленном
в апреле 1771 г.**

Впервые: Collection complète des œuvres de Jean-Jacques Rousseau, citoyen de Genève. Genève, 1782. Édition in 8°. T. II. P. 253—412. Édition in 4°. T. I. P. 415—539.

Перевод С. В. Занина по изд.: *Rousseau J.-J. Considérations sur le gouvernement de Pologne // Œuvres complètes de J.-J. Rousseau. T. III. Paris: Gallimard, 1964. P. 951—1041.*

Комментарии С. В. Занина.

Первая публикация этой работы Ж.-Ж. Руссо, появившаяся в его собрании сочинений, изданном Дю Пейру и Мульту в Женеве в 1782 г., содержала множество неточностей.

Полностью «Соображения об образе правления в Польше» не переводились на русский язык. В 1969 г. в «Трактатах» эта Работа Руссо была представлена тремя фрагментами — читателям предложили две главы («Дух древних установлений» и «Воспитание»), а также отрывок из главы «Применение» (см.: *Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 461—468 / Пер. А. Д. Хаютина*).

¹ *Виельгорский* Михаил (1724—1794) — польский магнат, один из лидеров Барской конфедерации. Вместе с графом Игнацием Масальским обратился к французским просветителям, в частности к аббату Мабли, маркизу Мирабо и Ле Мерсье де Ла Ривьеру, с просьбой создать проект преобразований в Польше. Он предоставил Руссо аннотированное французское издание трактата Кристиана Пфёффеля о публичном праве в Польше, в котором изложил свое видение будущих реформ. После гибели Барской конфедерации он издал в 1774 г. на французском языке сочинение о будущем конституции Польши, в котором согласился со многими идеями Руссо, но этот проект, так же как и проекты других просветителей, не был реализован на практике по причине бедственного положения страны и последующих трех разделов Польши.

² *Читая историю правления в Польше ~ могло просуществовать так долго.* — С критикой государственного устройства Польши выступали все без исключения французские просветители, в частности аббат Мабли, Караччоли, Шевелье д'Эон и, в особенности, физиократы. Среди последних был аббат Бодо, который в 1770 г. опубликовал серию статей в журнале «Эфемериды гражданина», где выступил с резкой критикой *liberum veto* и всевластия польской аристократии.

- ³ В своей характеристике древних законодателей Руссо опирается на сравнительные жизнеописания Плутарха, соответствующие книги Тита Ливия и Ветхий Завет. Многие характеристики деятельности Нумы Помпилия взяты Руссо из сочинения Макиавелли «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» (кн. 1, гл. 11).
- ⁴ Сведения Руссо об убыли населения в Польше почерпнуты из сочинения аббата Куае «История Яна Собесского, короля Польши» (*Coyer. Histoire de Jean Sobieski, roi de Pologne. Paris, 1761*).
- ⁵ Речь идет о Барской конфедерации, которая возникла 29 февраля 1768 г., через три дня после того, как князь Репнин очистил польский сейм от противников короля Станислава Августа Понятовского. Инициатором Барской конфедерации стал Иосиф Пулавский, а затем к нему присоединился гетман Ксавье Браницкий. С 1768 по 1771 г. конфедераты успешно боролись с русскими войсками. Польский проект Руссо был написан в момент, когда Барская конфедерация достигла пика своих успехов, взяв 10 сентября 1770 г. крепость Ченстохов. Руссо обращается к той группировке конфедератов, которую возглавляли Игнаций Мазальский и Михаил Виельгорский.
- ⁶ Руссо последовательно развивает эту мысль в «Рассуждении о неравенстве».
- ⁷ *...поступил столь хваленый царь.* — Имеется в виду Петр I и его государственная деятельность; критика реформ Петра Великого содержится в трактате «Об общественном договоре» (кн. II, гл. 8).
- ⁸ Сходные мысли Руссо развивал в «Рассуждении о политической экономии», а также в «Письме д'Аламберу о театральных зрелищах», иногда дословно повторяя высказанные в этом сочинении мысли.
- ⁹ *...раньше бедное дворянство в Польше ~ и средства к существованию.* — Руссо имеет в виду клиентеллу в Древнем Риме, о которой он говорит в трактате «Об общественном договоре» (кн. IV, гл. 4), сравнивая ее с реалиями Польши.
- ¹⁰ *...однажды герцог д'Эпернон, встретив герцога Сюлли...* — Источником этих сведений Руссо, возможно, является работа аббата Мабли «Параллель между римлянами и французами в вопросах правления» (*Parallèle des romains et des français en matière de Gouvernement. Paris, 1742*).
- ¹¹ Источником размышлений в этой главе Руссо являются идеи, высказанные Монтескье в трактате «О духе законов» (кн. IV, гл. 5).
- ¹² *Те, кто займет эти места ~ не исключая детей вельмож.* — В отличие от аббата Мабли, Руссо предлагает национальное воспитание, тогда как аббат в основном предлагает воспитание наднациональное в духе космополитизма.

- ¹³ ...угреждение, разрешенное и поощряемое суверенной властью ~ они сначала исполняют во время игры. — Руссо, приводя в пример устройство колледжа в Берне, по всей вероятности, полемизирует с идеями Станислава Жирома Канарского, который в «Письмах о воспитании» подерживал идею создания школ для знати.
- ¹⁴ Руссо в данном случае имеет в виду идеи, изложенные в трактате Кристиана Пфёффеля. Основная идея этой главы — создание национально-государства, в котором должны быть устранены сословные привилегии, и единственным способом обрести национальную идентичность является создание своего рода карьерной лестницы для всех граждан без исключения (см. также гл. 6 и гл. 13 проекта Руссо).
- ¹⁵ В отличие от аббата Мабли, Руссо не лишает Сенат законодательной власти, поскольку в этом случае закон не стал бы выражением «общей волей».
- ¹⁶ Для Руссо освобождение польского крестьянства — одна из самых сложных задач, поскольку эта реформа должна была быть произведена с общего согласия всего народа. Отметим, что он не видел другого способа гарантировать свободу освобожденных крестьян, кроме как наделить их земельной собственностью.
- ¹⁷ В гл. 10 кн. III трактата «Об общественном договоре» Руссо обстоятельно говорит о необходимости защитить законодательную власть от узурпации со стороны власти исполнительной. Кроме того, основная идея этой главы заключается в том, чтобы установить порядок функционирования государства, при котором воля законодательной власти воздействовала бы на силу исполнительной.
- ¹⁸ *Pacta conventa* существовали в Польше с 1370 г. и представляли собой своего рода соглашение между избранным королем и сеймом об объеме полномочий монарха. Начиная с правления Генриха Валуа, эти соглашения стали традиционными и являлись своего рода императивным мандатом королю.
- ¹⁹ Об этом Руссо говорит в гл. 18 кн. III трактата «Об общественном договоре», а также во второй части «Писем с Горы», где подвергается критике женевская олигархия, пытавшаяся подчинить себе законодательную власть.
- ²⁰ Речь идет о трактате «Полисинодия» аббата Де Сен Пьера (гл. 6 и 7). Руссо составил резюме политических сочинений этого известного французского мыслителя и выступил с критикой разделения исполнительной власти на части.
- ²¹ Речь идет о 12 и 13 главах кн. III «Об общественного договора», где Руссо настаивает на регулярности созыва выборных органов законодатель-

- ной власти и предохраняет против того, чтобы предоставить им статус представителей народа.
- ²² Нунциями Руссо называет депутатов Посольской избы — нижней палаты сейма, которые избирались на сеймиках в различных регионах Польши. Порядок избрания нунциев Руссо почерпнул из упомянутого ранее трактата Кристиана Пфёффеля.
- ²³ Комиссарами Радома Руссо называет сенаторов, назначенных сеймом для проверки счетов, представленных гетманами и казначеями. Верховный суд был основан в Польше во второй половине XVI в. королем Стефаном Баторием. Этот суд заседал осенью и зимой в Петеркове, а весной и летом в Люблине.
- ²⁴ Это удостоверение выдавалось депутатам сейма специально назначенными должностными лицами, которые удостоверяли правильность выборов.
- ²⁵ См. комментарий 80 к «Письмам с Горы».
- ²⁶ В 1768 г. в Польше было 153 сенатора.
- ²⁷ У Руссо «общая воля» представляет собой волеизъявление народа, внутри которого не существует всякого рода тайных ассоциаций, в той или иной мере влияющих на принятие народом решений. Условиями, при которых воля народа является действительно общей, должны стать следующие: отсутствие крайнего социального неравенства, отсутствие разного рода тайных объединений («групп давления», сказали бы мы сегодня), регулярный созыв законодательного собрания и строгое соблюдение его регламента.
- ²⁸ Совершенно очевидно, что Руссо выступает за своего рода баланс исполнительной и законодательной власти при сохранении единства власти исполнительной. В Польше воеводами являлись военные и административные должности в провинциях, кастелланами — коменданты важнейших крепостей.
- ²⁹ Полоцкий воевода и воевода Витебской самогитии получили особый статус, который напоминал статус префектов провинции; их называли старостами, и они обладали правом заседать в Сенате.
- ³⁰ Вопросы о выборах в законодательный орган Руссо подробно обсуждает в трактате «Об общественном договоре» (кн. IV, гл. 4).
- ³¹ на сей случай (*лат.*).
- ³² В своем размышлении о королевской власти Руссо опирается на гл. 6 кн. III трактата «Об общественном договоре» и выступает против ограничения королевской власти, сторонником которой был Михаил Вильгорский.
- ³³ Архиепископ Гнезненский являлся по должности примасом Польши.

- ³⁴ Канцлер занимал должность председателя Ассизского суда, в компетенцию которого входило разрешение земельных споров, а также вопросы, связанные с ремесленным производством и торговлей. В Польше король всегда рассматривался не только как символ нации, но и как своего рода арбитр интересов сословий. В концепции Руссо, которая изложена в польском проекте, эта традиция сохранена, и, согласно его проекту, король становится своего рода гарантом баланса властей.
- ³⁵ Речь идет о государственном перевороте в Дании, совершенном при Христиане VII, борьбе Георга III против парламента в Англии, а также о государственном перевороте, осуществленном Густавом III Шведским, который был направлен на восстановление королевских прерогатив в ущерб правам сословий.
- ³⁶ Имеются в виду события 1519 г., когда император Германии Максимилиан I (1459—1519) пошел на уступки курфюрстам Германии в обмен на введение наследования короны.
- ³⁷ На всем протяжении главы Руссо выступает против конституции Англии и выстраивает свои рассуждения методом доказательства от противного.
- ³⁸ Руссо выступает в этой главе за сохранение национальных институтов, в частности *liberum veto* (принципа единогласия при голосовании в сейме) и конфедерации, но стремится придать им иной облик. В этой главе Руссо критикует поведение депутата Сичинского, голосование которого привело к роспуску сейма 1652 г., а также критикует сеймы, созданные в 1764 и 1768 гг. под контролем русского правительства и по наущению князя Н. В. Репнина.
- ³⁹ Эта идея широко распространена в просветительской литературе, ее можно встретить также в бумагах Екатерины II (под влиянием чтения «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера). Что касается Польши, то по просьбе Станислава-Августа Понятовского кодекс польских законов был создан бывшим великим канцлером Замоиским, но этот кодекс отверг сейм 1780 г., поскольку депутаты сочли его чрезмерно либеральным.
- ⁴⁰ Согласно законодательству Польского государства, майоратного владения в Польше не существовало, но крупные землевладельцы, такие как князья Радзивиллы и Острожские, получили такое право от польских королей в виде особой привилегии.
- ⁴¹ В этой главе Руссо в значительной мере использует идеи французских физиократов, которые основывали процветание государства на развитии сельского хозяйства и увеличении численности населения. Вполне возможно, что Руссо был знаком с работами аббата Бодо, а также, как это достоверно известно, он читал главное произведение Ле Мерсье

де Ла Ривьера «Естественный и сущностный порядок политических обществ». Вместе с тем, Руссо использует в этой главе идеи, ранее высказанные в проекте Конституции для Корсики, в частности, в том, что касается экономической автономии государства, и сочетает эти идеи с одним из главных положений трактата «Об общественном договоре», которое гласит, что народ, наиболее пригодный для законодательства, — это народ самодостаточный (кн. II, гл. 10).

⁴² См. трактат «Об общественном договоре» (кн. III, гл. 5).

⁴³ См. трактат «Об общественном договоре» (кн. III, гл. 9).

⁴⁴ Аналогичные идеи Руссо высказал в проекте Конституции для Корсики.

⁴⁵ См. «Трактат о духе законов» (кн. XIII, гл. 14). Различия между категориями населения в Женеве Руссо объяснил в трактате «Об общественном договоре», ссылаясь на д'Аламбера.

⁴⁶ Речь идет о сочинении маршала Вобана «Проект установления королевской десятины» и о проекте «вечного мира» аббата де Сен Пьера.

⁴⁷ Идея прямого налогообложения земель принадлежала физиократам, и Руссо ею воспользовался. Подобно аббату де Сен Пьеру и маршалу Вобану, он выступает категорически против установления монопольных прав в государстве. Земельный кадастр предлагался физиократами, но Руссо, как это следует из текста, не слишком одобрительно относился к такому кадастру, который уже существовал в Австрии при Иосифе II.

⁴⁸ В проекте «Военного устройства» Руссо предлагает создать всеобщее ополчение и в этом отношении соглашается с Михаилом Виельгорским и аббатом Мабли, однако, как следует из текста Руссо, он скорее вспоминает о военной организации Женевы, о которой он достаточно подробно говорит в сочинении «Письмо д'Аламберу о театральных зрелищах» (1758).

⁴⁹ Источник: Светоний, «Жизнь Юлия Цезаря» (гл. 70).

⁵⁰ Оригинальность этого раздела работы Руссо заключается в попытке описать особого рода социальную организацию, отличную от сословного строя, создание которой привело бы к его уничтожению. Вместо сословного строя должен возникнуть режим меритократии и система отбора на государственные должности под надзором суверенного народа. О праве суверена «надзирать за гражданами» Руссо подробно говорит в трактате «Об общественном договоре». Эта идея неоднократно подвергалась критике со стороны современных интерпретаторов творчества Руссо, обвинявших его в «тоталитарных симпатиях»; но, как следует из проекта Руссо, этот надзор представляет собой не что иное, как одобрение деятельности каждого гражданина со стороны общества.

⁵¹ надежда отечества (*лат.*).

⁵² избранный гражданин (*лат.*).

⁵³ страж законов (*лат.*).

⁵⁴ Руссо в данном случае вносит коррективы в план, предложенный епископом Игнацием Масальским, председателем Колледжа управленцев. Согласно предложению последнего, система образования в Польше должна была находиться под контролем церкви. Идея Руссо заключалась в том, чтобы создать в Польше исключительно светскую систему образования и воспитания. Хотя председателем Колледжа управленцев должен быть Примаас Польши, в нем, по мысли Руссо, не следовало вводить священников. Следует отметить и то, что Руссо предлагал избирать главу Церкви в Польше на сейме, то есть превратить его в высшего магистрата по делам церкви.

⁵⁵ Идея дарования прав дворянства буржуазии была достаточно распространена во французской литературе эпохи Просвещения, например, в сочинениях Монтескье и работах известного политического мыслителя маркиза д'Аржансона, в частности, в их рассуждениях о возможности установления во Франции так называемой «демократической монархии». Руссо ссылался на эту работу маркиза в трактате «Об общественном договоре».

⁵⁶ См. трактат «Об общественном договоре» (кн. II, гл. 10).

⁵⁷ Речь идет о вмешательстве России во внутренние дела Швеции. Это вмешательство началось после смерти Карла XII, когда Россия поддерживала шведский ригсдаг в его попытках установить опеку над короной.